

НИВА

X годъ

№ 23

годъ X

1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн рис.)
Выданъ 4 Іюня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЪ ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 45 к.

ОБЪЯВЛЕНІИ

для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаютъ по 25 н. за строку непарейль (въ 14 ширныя границы).

КОНТОРА

журнала открыта ежедневно (нромѣ Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ. 4 р.

Съ доставкую 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ии. маг. г. Живарева. Сяловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Моску и друг. города Россіи 6 „

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „Нивѣ“ объявленны отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячу. для городскихъ по 4 р

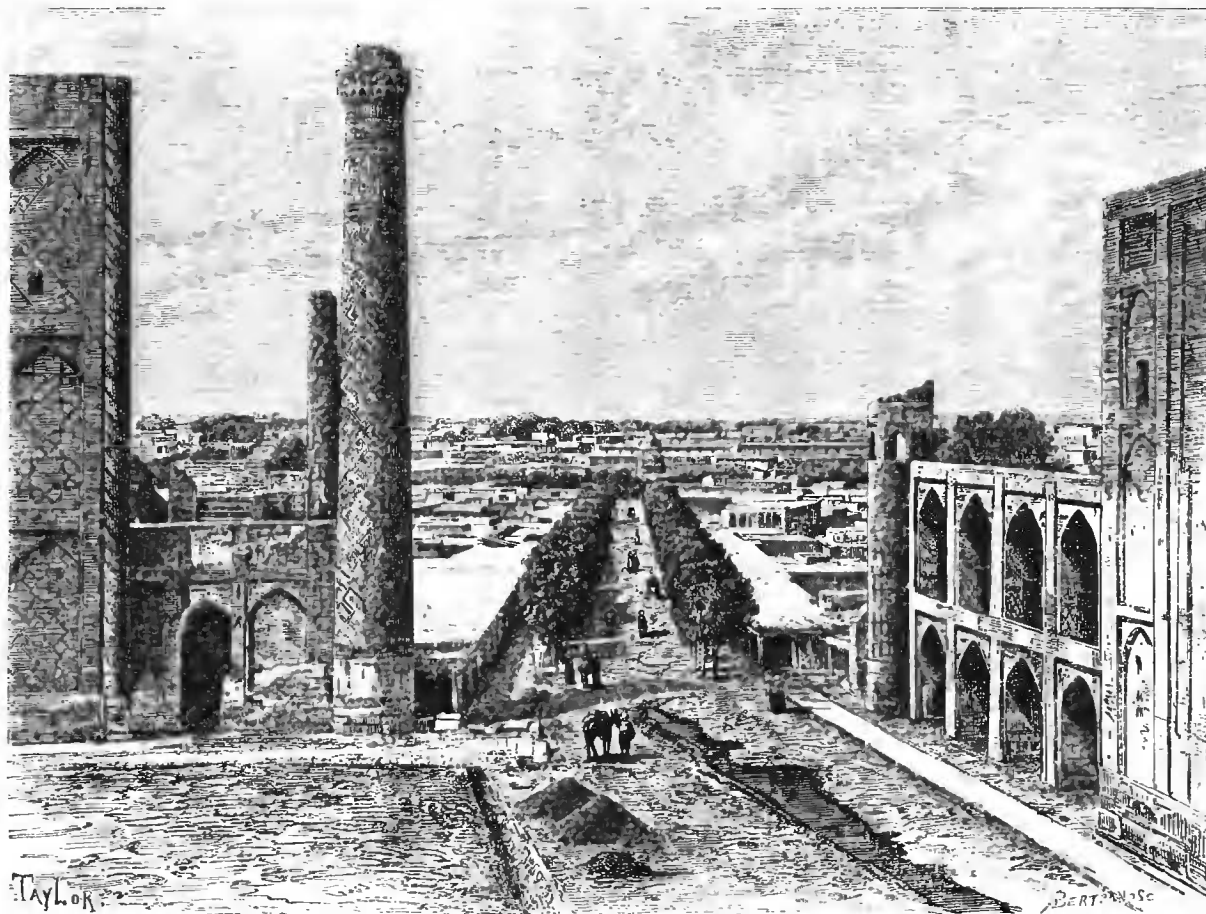
РУКОПИСИ

Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всеми приложеніями.

Для гг. служащихъ допущается разс. очна за ручательствомъ гг. назначенъ. КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПСМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ на ІЮНЬ съ 28 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., съ 59 рис. рукод. раб. и множество инициальныхъ буквъ.

1. Видъ города Самарканда съ Ригистанской площади. Рис. Тайлоръ, грав. Бертранъ.

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

— Не правда-ли таксырь? ¹⁾ грустно смотрѣть теперь на этотъ край?... А вѣдь не то было въ славныя времена Тура, Заша, Афросиаба, Рустема, Тимура и другихъ великихъ людей!... Видно Аллахъ разгнѣвался на родъ человѣческой за грѣхи.— за то, что не сумѣлъ сохранить въ чистотѣ истинную вѣру, завѣщанную Магометомъ.... Разгнѣвался Аллахъ и наслалъ на насъ грѣшныхъ всевозможныя бѣды. Отъ славныхъ могущественныхъ государствъ что осталось?... одни лишь воспоминанія. Что теперь эти богатые, красивые, многолюдныя города?... громадины и безобразныя развалины; только по вѣкоторымъ полуразрушеннымъ дворцамъ, медресе ²⁾ и мечетямъ можно еще судить, — какія великія зданія воздвигали наши предки. Кишлаки ³⁾, сады и поля теперь бесплодныя, печальныя степи. А съ людьми что стало?... и выговорить страшно. Нѣтъ уже болѣе знаменитыхъ батырей, неопобѣдимыхъ эмировъ, хановъ, бековъ—остались одни торгаша, готовые продать вѣру, честь, семью и родину! Страсть къ наживѣ такъ обуяла, что за какіе нибудь 120 руб. продали священный коранъ, писанный третьимъ калифомъ Османомъ....

Такъ говорилъ ученый мулла Хаїрулла Юнусовъ, сопровождавшій меня изъ Ташкента въ Самаркандъ. По всей вѣроятности эти грустныя думы были навѣяны голою стѣною, которую мы пересѣкали. Погода стояла жаркая; ни малѣйшаго вѣтерка, ни одного облачка на темно-синемъ небѣ, ни одного кустарника, подъ тѣнью котораго можно бы было пріютиться отъ палящихъ лучей июнскаго солнца; взглянешь на право, на лѣво назадъ или впередъ—повсюду одио и то же—песокъ, песокъ и песокъ. Къ этому еще мелкая пыль; густыми облаками несущаяся изъ подъ колъ тарантаса и изъ подъ концы тройки бойкихъ стенияковъ, быстро уносящихъ насъ по ровной, какъ скатерть дорогѣ. И мнѣ сердце жгла какою то неопредѣленною тоскою безотрадная картина, раскинувшаяся передъ нами. Желая какъ нибудь разсѣять тяжелое впечатлѣніе, я обратился къ муллѣ съ вопросомъ:

— Неужели вы увѣрены, что эта степь была когда нибудь населена и имѣла такой видъ?

— Прочтите Тимуръ-Табарихъ-наме и другія древнія писанія, послушайте старожилковъ и вы увидите.... отвѣтилъ мулла. Люди свѣдущіе говорятъ, что прежде соловьи перелетали съ дерева на дерево отъ самой священной Бухары до Ташкента. Ясно, вся страна была покрыта зеленью и люди пользовались всѣми земными благами, которыхъ потомъ ихъ лишили за грѣхи Аллаха. Настали тяжелыя времена: одна война смѣнялась другою, население гибло, земли пустыли и страна стала пустыней!... Одинъ Тимуръ—сколько пролилъ онъ человѣческой крови!...

Облако пыли ворвалось въ тарантасъ и обдало насъ бѣлымъ порошокомъ. Мулла закашлялся и замолчалъ. Когда облако разсѣялось, я снова принялся спрашивать почтеннаго ученаго, сильно меня заинтересовавшаго. Я еще мало былъ знакомъ съ Туркестанскимъ краемъ и въ особенности съ его исторіею.

— Какіе же памятники оставилъ послѣ себя Тамерланъ?

— Вотъ скоро будетъ одинъ, отвѣтилъ мулла. Тимуръ много хорошаго уничтожилъ,—да много и сдѣлалъ, чтобы слава о немъ перешла на долгіе вѣка изъ рода въ родъ.... И по дорогѣ услышите о немъ, а больше всего въ Самаркандѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Джюзака ⁴⁾ или Ключеваго укрѣпленія, какъ его называютъ русскіе, тянутся высокіе холмы, которые образуютъ широкое ущелье Джеланъ-Ата, получившее свое названіе отъ рѣчки, когда-то многоводной, но теперь очень мелкой. По этому ущелью, усыпанному мелкимъ булыжникомъ и пескомъ, пролегаетъ почтовая дорога; одиннадцать разъ приходится пересѣзгать въ бродъ черезъ рѣчку или, вѣрнѣе сказать, горный ручей Джеланъ-Ата. Почти у самаго входа въ ущелье, по обѣимъ сторонамъ дороги возвышаются двѣ громадныя скалы: лѣвая, нѣсколько наклонная, покрытая сплошною массою мха и низкорослаго кустарника, правая же отвѣсная и голая скала. (Рис. 5) это ворота Тимура.

— Вотъ первый свидѣтель величія Тимурленга ⁵⁾, заговорилъ мой мулла.

Мы остановили ямщика, вылѣзли изъ тарантаса и подошли къ правой скалѣ. Мулла разсказалъ слѣдующее:

— Эти двѣ скалы называются Тамерлановыми воротами. Этимъ самымъ ущельемъ великій завоеватель проходилъ со своими несмѣтными полчищами, намереваясь показатъ Китай, не хотѣвшій признать его ханомъ всего міра. Несмотря на добрые совѣты Кушбегіи Кымары, Тимуръ выступилъ въ 743 ⁶⁾ году

геджры изъ Кынчегеля. Но его мечтамъ не суждено было исполниться: у самыхъ предѣловъ Китая смерть постигла Эмира и его вѣрнаго Кушбегіи. Погибъ могущественный повелитель Средней Азии, Индіи и другихъ странъ, и царство распалось на мелкія Ханства. Правда, послѣ него царствовали великіе ханы, но Туркестанъ лишился уже навсегда единства и скоро дошелъ до того жалкаго положенія, въ которомъ онъ теперь.... Не одного Тимура пропускали эти ворота: много хановъ прошли здѣсь со своими войсками, тысячи людей пали подъ этими скалами, въ ужасныхъ, кровопрлитныхъ сраженіяхъ. Вонъ на скалѣ два отшлифованныхъ камня! Видите, еще сохранились на нихъ надписи,—на одномъ персидская, на другомъ арабская. Надписи гласятъ: одна о пораженіи, нанесенномъ Эмиромъ Бухарскимъ Абдулла-Ханомъ Китай-Кипчакамъ, — пало столько, что вся рѣка окрасилась кровью. Другая надпись говоритъ о великой побѣдѣ, одержанной надъ монголами Улугъ-Беккомъ ⁷⁾. Черезъ эти ворота совершилось переселеніе калмыковъ и киргизъ.⁴⁾

Задумавшись, стоялъ я передъ массивною скалою и смотрѣлъ на ся темныя бока, изрытые глубокими трещинами, на надписи, напоминавшія страшныя событія, и на единственныхъ обитателей Тамерлановыхъ воротъ—грифовъ, гнѣздившихся въ трещинахъ скалы и рѣзкимъ крикомъ нарушавшихъ мертвую тишину мрачнаго ущелья. Мы поѣхали дальне по направленію къ Самарканду.

Однообразная степь кончилась, когда мы вѣхали въ долину Зарявшана. Все разомъ измѣнилось. Пустыни какъ не бывало: потянулись сады, поля, засѣяныя рисомъ, шпеницей, кукурузой, огороды съ пызынькими глиняными заборами, арки, тянувшіяся прямыми свѣтлыми лентами по разнымъ направленіямъ; отъ тала, карагачей, тута, урюковъ и другихъ дровьевъ вѣло свѣжею зеленью и приятною прохладою. Забывъ усталость, пыль, жару, мы ушвались великолѣпнымъ воздухомъ и зрѣлищемъ. Близость большого города была замѣтна. Вотъ мы доѣхали до быстрого Зарявшана, — священнаго Нила Средней Азии, орождающаго всю Мيانкальскую долину. Далекое притокамъ и аркамъ разносится его драгоценная влага, питающая цѣлую страну. Хотя рѣка быстра и широка, черезъ нее переправляются однако въ бродъ. Насъ и вѣщи наши перемѣстили на высокія арбы и мы почти вилавъ двинулись къ другому берегу; за нами, подъ громкій крпкъ ямщика, поспѣдовалъ и тарантасъ. Все завертѣлось, задвигалось вокругъ насъ; то мнѣ казалось, что мы кружимся на одномъ мѣстѣ, то каждую секунду я ожидалъ, что лошади ослабѣютъ и насъ далеко занесетъ сильнымъ теченіемъ. Но, благодаря ловкости арбакама (проводника) мы преодолѣли всѣ трудности, проплыли мимо двухъ гигантскихъ сводовъ, которые оказались статками моста (рис. 2) постройки Абдула-Хана—взобрались на крутой противоположный берегъ и проѣхали городскую стѣну, глиняную, не ровную, мѣстами почти совсѣмъ обрушившуюся.

Тогда нашимъ глазамъ предсталъ во всей красотѣ Самаркандъ,—древняя столица Туркестана. Общій видъ города весьма оригиналенъ. (Рис. 1).

Изъ массы садовъ, низкихъ глиняныхъ стѣнъ, плоскихъ крышъ изъ камыша и земли, рѣзко выдѣляются высокіе минареты, башни, мечети, медресе,—все древнія постройки прежнихъ Эмировъ, хотя и полуразрушенныя, но величественныя; узкія, кривыя улицы, темныя базары подъ сводами, низенькія, крошечныя лавченки—все это весьма своеобразно. Когда-то Самаркандъ славился своими постройками, но теперь немного осталось отъ мпупшей славы: непогоды, землетрясенія, невѣжество и апатія съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе разрушаютъ остатки мавританской архитектуры. Штукатурка отпадаетъ, разноцвѣтные наразцы трескаются, сваливаются въ большія груды и покрываются пылью и мусоромъ. За то съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе выростаеъ европейскій городъ: проводятся прямыя улицы, глиняныя лачуги замѣняются стройными кирпичными домами, булавры тянутся по обѣимъ сторонамъ улицъ, пруды очищаются, садики красиво планируются. Базаръ, сожженный во время войны съ бухарцами, выстроенъ заново, лучше, чище и просторнѣе прежняго; на главной улицѣ виднѣтся изящная церковь, во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца; кругомъ большой цитадели оставлена широкая эспланада для обстрѣливанія города; самая же цитадель совершенно перестроена русскими. Не далеко отъ церкви возвышается на срединѣ площади скромный бѣлый памятникъ надъ могилою офицеровъ и солдатъ, убитыхъ, во время осады Самаркандской цитадели, (рис. 3) возмущившимся беками шахрисябскимъ, уратюбинскимъ и другимъ. Здѣсь погребены: поручикъ Денехинъ, Служенко и Губинъ. Около самой цитадели стоитъ другой, еще болѣе скромный памятникъ (крестъ на мраморной плитѣ) надъ могилою И. А. Хлудова, погибшаго въ то же время.

¹⁾ Таксырь—господинъ.

²⁾ Медресе—училище.

³⁾ Кишлакъ—осѣдлое поселеніе, зимовка у кочевниковъ.

⁴⁾ Слово Джюзакъ значитъ адъ,—такъ называютъ городъ туземцы вслѣдствіе свѣтлыхъ ладороковъ въ немъ сирѣвствующихъ.

⁵⁾ Тимуръ дѣньгъ хромой Тамерланъ; народъ называлъ его хромымъ послѣ того, какъ онъ на одной байгѣ, т. е. скакѣ, переломилъ себѣ ногу, свалившись вмѣстѣ съ лошадыю

⁶⁾ По мусульманскому лѣтосчисленію.

⁷⁾ Улугъ-Бекъ былъ однимъ изъ лучшихъ военнопольщиковъ при Тамерланѣ.

Заговоривъ объ этихъ памятникахъ, считаю исплиннымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о защитѣ цитадели.

30-го мая 1868 г., до 25 тыс. Шахрисабцевъ подъ предводительствомъ Джура-Бека и Баба-Бека, 15 т. Китай-Кипчаковъ во главѣ которыхъ былъ Адиль-Дахта и 15 т. Ургутцевъ, Пенджакендцевъ, и Самаркандцевъ подъ начальствомъ Гуссейнъ-Бека, Абдуль-Гафаръ-Бека и Омаръ-Бека, ворвались въ Самаркандъ и осадили цитадель (рис. 4) въ которой заперся комендантъ Самаркандскій, майоръ баронъ фонъ-Штемписль съ отрядомъ въ 752 человека, при двухъ русскихъ орудіяхъ и 24 отбитыхъ до этого у бухарцевъ. Дѣятельными помощниками майора въ защитѣ были подполковникъ Назаровъ и войсковой старшина Сѣровъ. Велъ труда овладѣть городомъ и силошную стѣною оцѣнивъ цитадель. неприятель въ теченіе десяти дней, непрерывно днемъ и ночью, тревожилъ слабый отрядъ защитниковъ. Чуть не каждый часъ приходилось нашимъ героямъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ отражать приступы громадныхъ скопищъ мусульманъ; нѣсколько разъ неприятелю удавалось даже ворваться въ цитадель, но каждый разъ отъ дружнаго натиска защитниковъ, онъ былъ обращенъ въ бѣгство. Бухарцы еще потому были смѣлѣе, что хорошо знали численность гарнизона и, не смотря на это, гарнизонъ успѣвалъ совершать удачливыя вылазки и въ свою очередь часто безвозвратно неприятельское войско. Насколько было безвыходно положеніе защитниковъ, можно судить изъ словъ самого барона Штемписля: „Видя, что въ теченіе двухъ дней вышло у насъ изъ строя около двухъ сотъ человекъ и что подобная убыль можетъ продолжаться и въ послѣдующіе дни, становилось ясно, что удержать всѣ стѣны цитадели можно было бы лишь дня два, и болѣе; затѣмъ неприятель ворвался, такъ какъ не хватало бы людей для обороны всѣхъ опасныхъ мѣстъ. По этому рѣшено было мною: когда истощатся всѣ усилія для обороны стѣнъ и неприятель ворвется въ цитадель, то всѣмъ собраться въ Эмирской дворцѣ обороняться до послѣдней крайности, а въ случаѣ прорыва и туда неприятеля, взорвать порохъ и снаряды.“ Но не два дня, а цѣлыхъ десять дней продержались герои; 8-го іюня ихъ выручилъ, наконецъ, генералъ Кауфманъ. Геройскія войска наши вездѣ, гдѣ бы ни были, одинаково—честь и гордость родины...

На слѣдующій день послѣ моего приѣзда я посѣтилъ посѣтить гробницу Тамерлана, называемую Гуръ-Эмиръ. (Рис. 6). Подобно всѣмъ памятникамъ тамерлановской эпохи, мечеть эта построена въ изящномъ мавританскомъ стилѣ. Гуръ-Эмиръ находится въ южной части города, правѣ Бухарскихъ воротъ, имѣетъ два минарета въ 80 футовъ вышины и два купола (одинъ большой, другой поменьше) ярко-бирюзоваго цвѣта. Хотя зданіе сильно пострадало отъ времени, но еще довольно ясно сохранились искусная лѣпная работа, разноцвѣтные изразцовые кирпичи и древнія кувлическія надписи. Дворъ, ведущій къ этому святилищу магометанъ, весь вымощенъ квадратными, жженными кирпичами. Съ правой стороны мечети продѣлано большое, украшенное рѣзьбою изъ карагачеваго (чернаго) дерева, окно, изъ котораго виднѣется значекъ Тамерлана. Вступивъ во внутренность храма, взоромъ посѣтителя представляется большое четырехугольное помѣщеніе, изъ котораго идетъ темный корри-

доръ съ дверями, ведущими въ нѣсколько маленькихъ комнатъ, предназначенныхъ для муллъ; въ эти комнатки свѣтъ проникаетъ только черезъ небольшія окошки, вдѣланныя въ потолокъ. Въ концѣ корридора находится обширное, свѣтлое помѣщеніе, въ которомъ покоится прахъ знаменитаго Тимура. Надъ могилкою лежитъ черный камень, почитаемый мусульманами святышкою, на которомъ вырѣзаны молитвы и имена предковъ Тимура. Тамъ же похоронено нѣсколько приближенныхъ Эмира. Въ прежнее время могильный камень былъ окруженъ пизацкою, рѣзною, мраморною рѣшеткою, отъ которой сохранился только небольшой кусокъ. Пыль, по приказанію генералъ-губернатора, рѣшетка эта реставрирована. Въ боковыхъ часовенкахъ погребены жены грознаго Эмира и члены его семьи. Недалеко отъ Гуръ-Эмира возвышается мечеть Рахвату, построенная Тимуромъ въ память святаго Хозретъ-Рахвату. (Рис. 7.)

Въ тотъ же день, руководимый муллою, я посѣтилъ мечеть, воздвигнутую Тимуромъ надъ могилкою гвятаго Кутубъ-Чардагюма, дворецъ Кугъ-Ташъ и Медрессе-Ханымъ. Въ особенности послѣдніи два зданія достойны вниманія. Дворецъ Эмира Кугъ-Ташъ (пыль въ немъ русской госпиталь) расположенъ внутри цитадели. Названіе свое дворецъ получилъ отъ сѣраго камня, находящагося въ одномъ изъ его внутреннихъ дворовъ, подъ крытой деревянной галлереей. Камень имѣетъ 1³/₄ аршина ширины и 4¹/₂ аршина длины, противъ него вѣселятъ въ стѣну другой камень (на которомъ вырѣзано имя Шейха-Ахмеда) формою своею очень похожій на гусиное яйцо, а по сторонамъ его виднѣются на стѣнѣ дѣл каменные доски, исписанныя молитвами иль корана.

Издалека пріѣзжаютъ благочестивые Ходжи (прямые потомки Магомета) для поклоненія Кугъ-Ташу. По преданію онъ привезенъ изъ Китая. Около камня передъ небольшою площадкою стоялъ тронъ Тимура, на которомъ Эмиръ возсѣдалъ въ дан суда и расправы.

Въ сѣверной части Самарканда возвышается Медрессе-Ханымъ. Издали можно видѣть его три башни и многочисленныя куполы. Зданіе это сооружено старшею женою Тамерлана. Чтобы войти въ него, нужно подняться на 90 футовъ по большой каменной лѣстницѣ, затѣмъ пройти длинный корридоръ, оканчивающійся рѣзною дверью, исписанною изрѣченіями. Внутри храма находятся комнаты: одна для муллъ, три для совершенія пяти намазовъ, одна со сводами — приемная, устланная коврами, и одна темная, въ которой, какъ утверждаютъ фанатики муллы, покоится прахъ святаго Шахъ-Эшиды (живаго Царя). Изъ послѣдней постоянно раздается страшный, непереносимый шумъ, похожій на журчанье ручейка. Шумъ производится вѣтромъ, дующимъ въ раковину, находящуюся въ глубинѣ комнаты; но мусульмане объясняютъ это иначе: они говорятъ, что покоящійся въ этой комнатѣ святой Шахъ-Эшида живетъ и по настоящее время и скрывается тамъ, въ ожиданіи конца міра и что именно онъ производитъ этотъ шумъ.

Хотя и очень усталый, но весьма довольный видѣвшимъ и слышаннымъ, вернулся я въ гостиницу, оставивъ на слѣдующій день дальнѣйшій осмотръ достопримѣчательностей Самарканда.

Н. Стремоуховъ.

„ЗАБЫТОЕ СЛОВО“

Разсказъ Т. Шталя.

(Окончаніе).

Безконечные, томительные дни тянулись для Енгенія. Ни строчки отъ нея и ни слова не могъ онъ переслать ей. Шпионы, окружавшіе ее, слѣдили зорко. Съ утра до поздней ночи жилъ онъ мучительно-нервнымъ ожиданіемъ. переходя отъ надежды къ отчаянію. Проходилъ день, наступалъ другой—и опять испытывалъ онъ всю лихорадку обманутыхъ надеждъ и ожиданій, а тамъ снова предстояла та же Сизиѳова работа. Монотонныя кассирскія занятія, эти цифры, цифры и цифры, слѣдвали для него невыносимы. А между тѣмъ, за нимъ слѣдили. Топарици и Керри подматривали за каждымъ шагомъ, за каждымъ жестомъ измученнаго человека. Все подмѣченное перетолковывалось, объяснялось въ желаемомъ смыслѣ. Его разстроенный видъ, его первныя движенія составляли обильную пищу сплетнямъ и конторъ. Какъ-то разъ онъ слѣлалъ ошибку въ счетѣ. Робертъ поспѣшилъ немедленно сообщить объ этомъ банкиру.

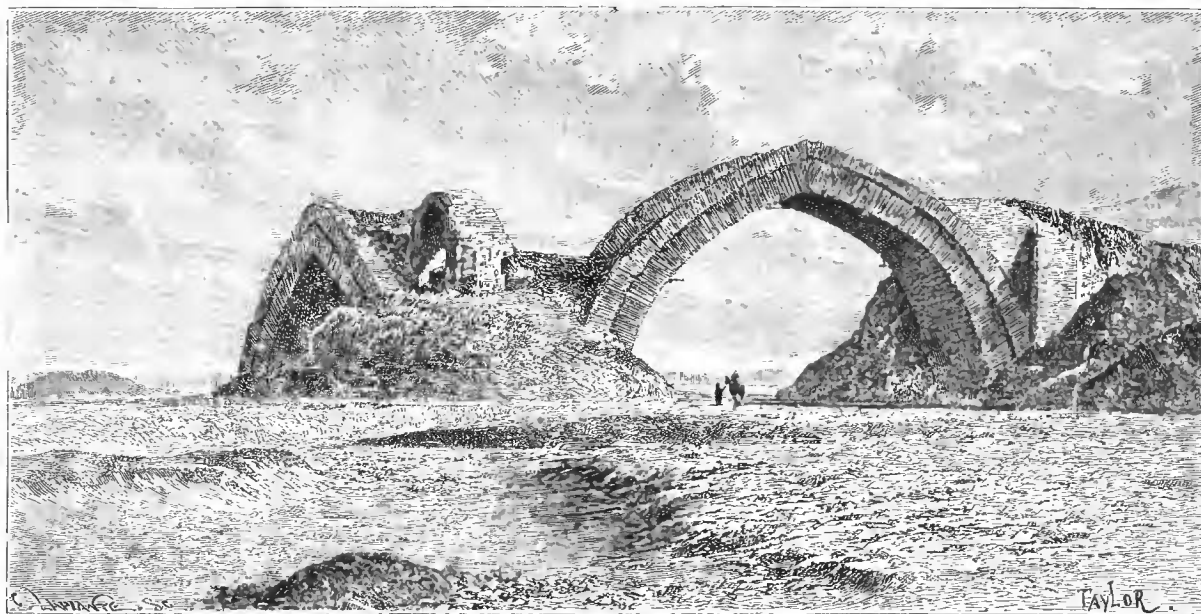
Шесть недѣль прошло уже съ тѣхъ поръ, что Евгений не видѣлъ Джэнь. Наступилъ день, когда дѣвушка была формально обручена съ другимъ. Молодой человекъ снова за своимъ бюро, за столбцами цифръ и опять—съ тоской и мученіемъ онъ и отчаивается, и вновь надѣется. Сегодня—ему, почему-то, еще тяжелѣе, еще невы-

носимѣе. Точно камень въ головѣ и сердцѣ. Едва могъ онъ досидѣть до конца занятій. Наконецъ пришелъ часъ, когда хоть отъ этой пытки можно было отдѣлаться. Надо было запереть кассу.

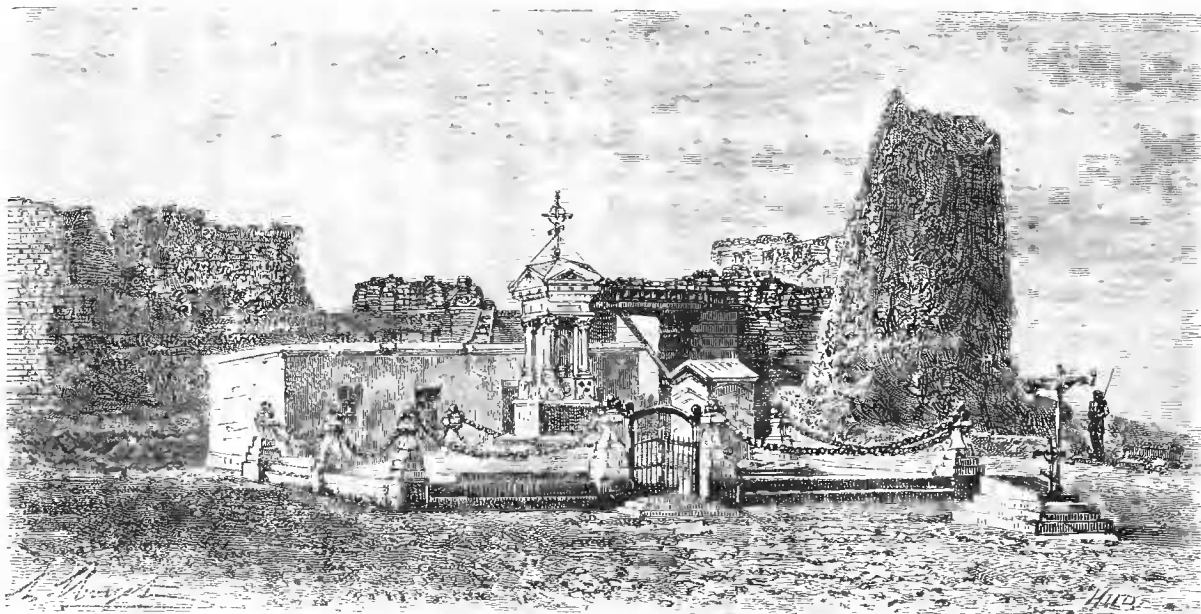
Сегодня—онякъ никакого извѣстія отъ нея! Его тусклые глаза смотрѣли, не видя, куда-то прямо впередъ; нѣсколько минутъ еще, какъ деревянный сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ. Наконецъ—рѣшился встать и запереть кассу.

Читателю, можетъ быть извѣстно, что сложный механизмъ большихъ денежныхъ шкафовъ британской фабрикаціи устроенъ такимъ образомъ, что пружиины замка обозначены нѣсколькими металлическими булавками; кассиръ, желая запереть замокъ, можетъ располагать пружины, каждой разъ, по своему усмотрѣнію, составляя изъ буквъ какое-нибудь слово, которое знаетъ только одинъ онъ. Только зная это слово и можно отпереть кассу.

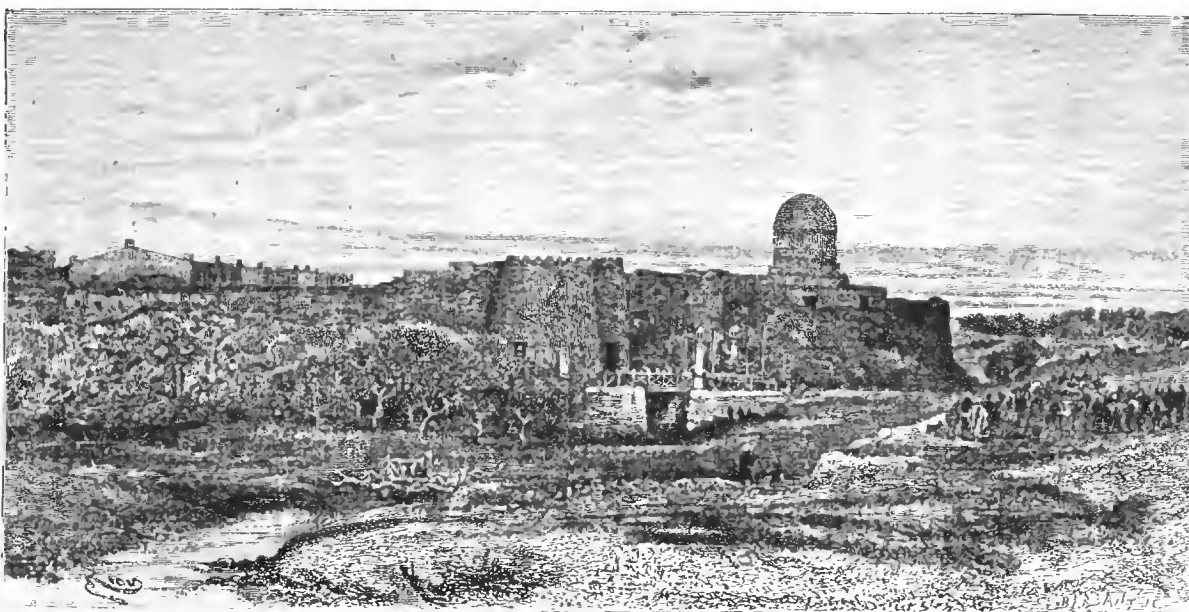
Въ ту минуту, когда Евгений располагалъ уже пружины замка,—въ комнату, неожиданно, быстро вошла какая-то пожилая женщина, и, положивъ на бюро письмо, также быстро и неожиданно вышла. Молодой человекъ еще не опомнился; онъ держалъ руку на тяжелой дверцѣ шкафа и машинально составлялъ слово.

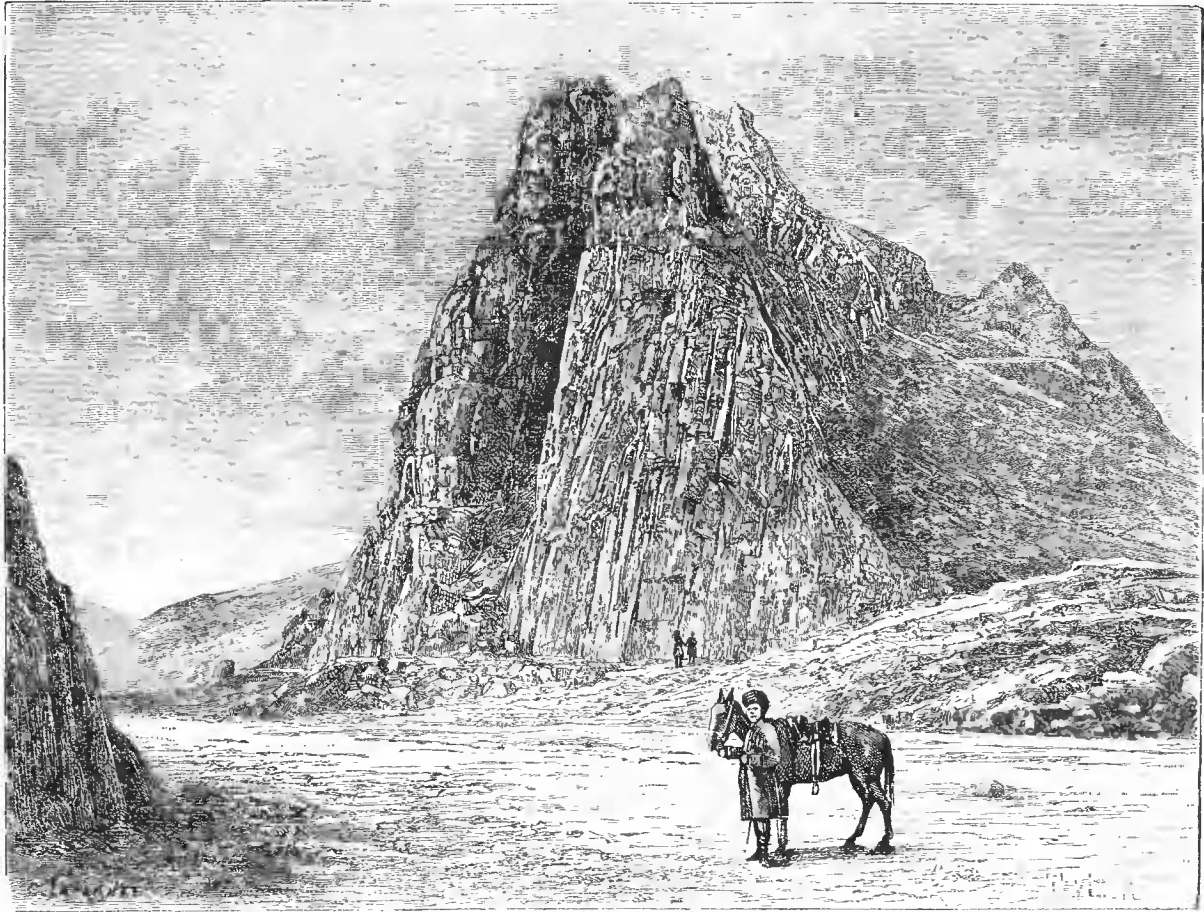
2. Древній мостъ на рѣкѣ Заряшанѣ. Рис. Тайлоръ, грав. Ланлантъ.

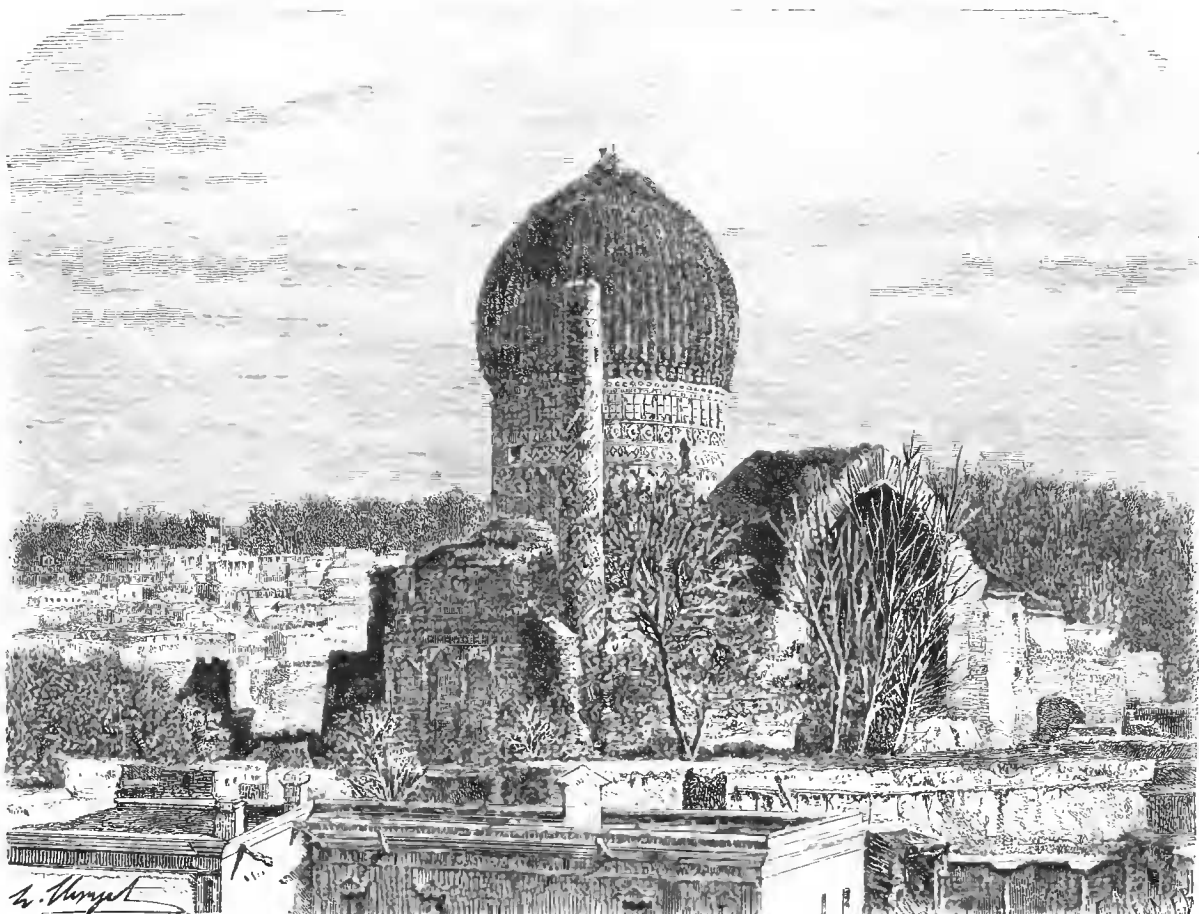
3. Памятникъ надъ могилами русскихъ близъ Самаркандской цитадели. Рис. Клерже, грав. Гильдебрандтъ.

4. Ворота Самаркандской цитадели. Рис. Риу, грав. Гильдебрандтъ.

5. Тамерлановы ворота близ г. Самарканда. Рис. Тайлоръ, грав. Лаулашгъ.

6. Тамерланова гробница (Гуръ Эмиръ). Рис. Клерже, грав. Монье.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

X годъ

№ 24

годъ X

1879

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 мод. рис.) Выдаѣтъ 11 Юня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку монпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала отираетъ ежедневно (кроме Воскресныхъ и Праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарова, Соловьевой Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Мосиву и друг. города Россіи 6 „

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особые приложения при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всеми приложениями.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. назначаемъ.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій.

29 (15) мая, по словамъ англійскихъ газетъ телеграфъ принесъ въ Лондонъ, произведшее сильное впечатлѣніе, извѣстіе объ отозваніи нашего полномочнаго посла въ Лондонъ гр. Шувалова и замѣщеніи этого высокаго и важнаго поста кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, бывшимъ досель посломъ въ Константинополь. Извѣстіе это однако официально еще не подтвердилось и князь занимаетъ пока прежнее мѣсто.

Князь Алексѣй Борисовичъ принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ русскихъ фамилій, ведущей происхождение свое отъ удѣльныхъ князей Ростовскихъ: Онъ родился въ 1826 г. и воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ, откуда выпущенъ былъ первымъ ученикомъ въ 344 г. Поступивъ прямо въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и пробывъ въ немъ около 2-хъ лѣтъ, былъ командированъ въ 1847 году временно исправлять должность секретаря посольства въ Парижѣ. Тогдашній нашъ повѣренный въ дѣлахъ при дворѣ Людовика Филиппа, г. Киселевъ полю-

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русскій полномочный посоль въ Константинополь. Рис. и грав. Пуцъ.

билъ однако молодого сотрудника своего и удержалъ его гораздо долѣе, чѣмъ предполагало Министерство и ему такимъ образомъ привелось присутствовать при паденіи юльской монархіи и быть близкимъ свидѣтелемъ знаменательныхъ событій, совершавшихся тогда во Франціи. Князь вернулся въ Петербургъ лишь въ 1849 г. Пробывъ и на этотъ разъ не долго въ Министерствѣ, онъ былъ въ 1851 г. назначенъ вторымъ секретаремъ миссіи въ Берлинѣ. До конца Крымской войны, князь оставался въ Берлинѣ сперва вторымъ а потомъ первымъ Секретаремъ и занимался подъ руководствомъ одного изъ самыхъ блестящихъ и даровитѣйшихъ нашихъ представителей Барона А. Ф. Будберга.

Когда, въ 1857 г. нужно было возстановить нашу миссію въ Константинополь и престарѣлый А. П. Бутеневъ былъ посланъ чрезвычайнымъ Посланникомъ, князь былъ уже настолько извѣстенъ Министерству, что ему данъ былъ постъ Советника вновь сформированной миссіи, не смотря на то,

что предшествовавшая дѣятельность не могла ознакомить его съ дѣлами нашими въ Турціи. Ему сказано было даже, что онъ будетъ ближайшимъ преемникомъ Бутенева. При Бутеневѣ князь сразу же сталъ играть весьма значительную роль и на самомъ дѣлѣ почти управляетъ всѣми дѣлами миссіи подъ руководствомъ своего опытнаго начальника. Въ 1859 г. Бутеневъ былъ уволенъ и въ томъ же году Князь Лобановъ, 33-хъ лѣтъ отъ роду (небывалый почти примѣръ) назначенъ былъ на его мѣсто чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ.

Положеніе молодого представителя нашего въ Константинополѣ было блестящее: отличаемый Султаномъ Абдуль-Меджидомъ, князь пользовался большимъ почетомъ у тогдашнихъ корифеевъ Турецкой дипломатіи Решиди, Али и Фуада нашихъ. Въ служебномъ кругу изищія и дѣльная редакція дипломатическихкихъ документовъ Русскаго Посланника пользовалась, между прочимъ, тогда большою извѣстностью.

Нѣкоторое начавшееся вскорѣ разногласіе съ Министерствомъ а также и семейныя дѣла заставили князя оставить свой постъ. Въ началѣ 1863 г. онъ уѣхалъ въ отпускъ, а затѣмъ подалъ въ отставку, и поселился на время на Югѣ Франціи.

Вернувшись въ 1866 г. въ Россію, Алексѣй Борисовичъ не-

решель на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и былъ назначенъ въ слѣдующемъ году Орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Пробывъ 10 мѣсяцевъ въ провинціи и ознакомившись съ нашею администраціею, князь призванъ былъ на постъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на которомъ и оставался почти 12 лѣтъ. 18 апрѣля 1878 г. Государю Императору благоудбно было вновь пригласить князя принять Константинопольскій постъ съ званіемъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Назначеніе это было встрѣчено Портою и иностранными державами весьма радушно.

Прибывъ на знакомые ему уже берега Босфора 2 мая, князь Лобановъ вступилъ тотчасъ же въ переговоры съ Портою касательно очищенія Турками крѣпостей Шумыль, Варши и Батума, на основаніи условій С.-Стефанскаго договора. Переговоры эти были остановлены вслѣдствіе созванія конгресса въ Берлинѣ. 27 января этого года князь Лобановъ, послѣ долгихъ и далеко не легкихъ переговоровъ съ Портою, добился подписанія окончательнаго трактата съ Турціею, которымъ разрѣшались всѣ наши требованія, предъявленныя Портѣ представителями нашими въ С.-Стефанѣ и которыя были обидены молчаніемъ въ Берлинскомъ трактатѣ.

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ *).

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

Однажды, выйдя погулять, я очутился на обширномъ ташкентскомъ выгонѣ. Сзади меня была русская часть столицы Туркестанскаго края; на право среди густой зелени красовался домъ генераль-губернатора (рис. 3), а на лѣво на небольшомъ холмѣ далеко растянулась ташкентская цитадель (рис. 4). Солнце только что взошло и косыми лучами уже набросило красноватый отблескъ на верхушки деревьевъ и яркими полосками скользнуло по крышамъ русскаго Ташкента †). Легкій вѣтерокъ навѣивалъ пріятную прохладу и разносилъ упонительный ароматъ цвѣтовъ. Утро было восхитительное. Съ наслажденіемъ вдыхая здоровый весенній воздухъ, я углубился въ созерцаніе окружающей меня панорамы. Постепенно перенесся я въ воображеніи къ памятнымъ для каждаго туркестанца 1864 и 1865 годамъ. Грозно стояли до этого времени высокія городскія стѣны Ташкента съ многочисленными башнями и бойницами, окруженныя глубокими рвами. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположено русскій городъ, небольшими группами были разбросаны невысокія деревья и мелкіе кустарники. Но появился Черняевъ и все измѣнилось. Пали грозныя стѣны, присмирѣлъ мусульманскій фанатизмъ и Ташкентъ шъ сильной крѣпости превратился уже въ мирный торговый городъ; рядомъ съ цитаделью и городомъ азіатскими быстро поднялись на гладкой долинѣ русскія сооруженія.

Но вотъ ко мнѣ кто-то подошелъ. Я увидѣлъ передъ собою знакомаго ташкентскаго торговца, Хамутъ-Ходжу. Это былъ видный мужчина съ длинною черною бородою и вѣчно улыбающимся лицемъ. Онъ считался фактотумомъ всѣхъ русскихъ—зналъ все и вся. Кое-какъ болтая по-русски, онъ постоянно толкался между нашими.

Хамутъ-Ходжа опустился около меня на свои пятки,—обыкновенный способъ сидѣнія у туземцевъ. Вообще туземцы большіе охотники поболтать.

— Задумался я о томъ, началъ я, что было здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ, какія битвы происходили и чѣмъ все окончилось.

— Якинъ, кушъ якинъ! ‡) подтвердилъ Хамутъ, важно кивнувъ головою.—Ты думалъ о Джандаралѣ §). Хорошій былъ человекъ, у! хорошій! Если бы всѣ и мусульмане-то были такіе, такъ лучшаго и желать нечего ¶).

— Какъ же ты догадался, что я вспоминалъ о Михаилѣ Григорьевичѣ?

— Хамутъ все знаетъ. Не трудно догадаться. Лучше тебѣ скажу: какъ только попадешь вотъ на это самое мѣсто, такъ и вспомнишь о немъ.

— Почему это?

— А вотъ я тебѣ все скажу.

Съ этими словами онъ придвинулся ко мнѣ и началъ.

— Какъ теперь помню: сраженіе кончилось, городъ былъ взятъ и наши ташкентцы вышли къ нему, именно на этомъ самомъ мѣстѣ, съ покорностью, блѣдныя, дрожать отъ страха,

низко опустили головы... Ты самъ знаешь, какіе порядки у насъ, когда кто побѣдитъ: ужъ кого тамъ пощадятъ, особенно вождей... Наши аксакалы †) думали, что всѣхъ накажутъ за то, что много русскихъ погубило при взятіи Ташкента... Другой на мѣстѣ генералъ пожалуй сдѣлалъ бы имъ что нибудь дурное... Вскрикнули „Аманъ“ ‡) и упали наши на землю, закрыли головы руками и ждали своей участи... И что же? Черняевъ нагнулся, поднялъ ихъ и ласково, какъ простой человекъ, принялся объяснять: „что онъ не думаетъ ихъ казнить, что если они сдѣлали много вреда, за то теперь вѣрностью Акъ-Падшѣ §) могутъ загладить прежнюю вину и не только не будутъ считаться врагами, но могутъ сдѣлаться друзьями русскихъ, что война кончилась и настала миръ“... и долго говорилъ онъ, и все такъ ровно, тихо. Намъ показалось, что не человекъ говоритъ, не привыкли мы къ этому. Бывало попадешь въ бѣду и не подумаешь идти къ своимъ кази †), аксакаламъ, курбашамъ §) и другимъ—безъ подарка къ нимъ и не смѣй сунуться. А придешь къ нему, скажешь всю правду—сейчасъ выручитъ и своего не пожалеетъ... За все это непремѣнно—хоть онъ и кляфиръ—будетъ онъ награжденъ небомъ... ученые люди и тѣ даже это предсказываютъ... Спроси любого ташкентца, который знавалъ генерала и всякій тоже скажетъ... Вонъ тамъ не далеко отъ крѣпости, между деревьями домишко... Низенькій, слѣпленъ изъ глины, съ земляной крышей, поросла она травой и мохомъ, съ двумя окошечками—это вотъ и есть его домъ. Какъ заняли Ташкентъ, тутъ жилъ Черняевъ. Не правда-ли? Чужеземецъ и не повѣритъ, что это было жилище перваго нашего губернатора, побѣдителя храбраго Алимъ-Кули. У насъ развѣ только мердекеры ¶) такъ живутъ... Прежде было просто.... Да знаешь. Спроси у любого изъ нашихъ, чего тебѣ объ генералѣ не расскажутъ. И какъ его наши до сихъ поръ почитаютъ—ой какъ почитаютъ и помнятъ!..

Разскажишь, но мѣрѣ того какъ говорилъ, болѣе и болѣе воодушевлялся, искреннее чувство слышно было въ его голосѣ, глаза блестѣли.

— А знаешь ли, почему здѣсь крѣпость стоитъ? снова началъ онъ протягивая руку по направленію къ цитадели и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ: „Сейчасъ скажу... Русскіе—прехитрый народъ! Взяти Ташкентъ, видятъ—туземцевъ много: когда взбунтуются не скоро справишься съ ними... Вотъ и придумали съ сторонкѣ выстроить свою урду †), свой городъ. Потомъ порѣшили между собою—какъ что не ладно, сейчасъ всѣмъ въ урду прятаться. Хотя никому не велѣно говорить—это великій секретъ, а мы все таки всѣ знали. Разъ имъ чуть было не пришлось спасаться, да на ихъ счастье только страхомъ и отдѣлались...“

— Скажи мнѣ, Хамутъ, спросилъ я, отчего теперь у васъ не строятъ болѣе такихъ великолѣпныхъ зданій, какими мнѣ недавно пришлось любоваться въ Самаркандѣ?

— Какія же это?

— Да вотъ напримѣръ Гуръ-Эмиръ, Шах-Зинде, Ширъ-Даръ, Улугъ-Бекъ, Тилля-Кари и многія другія.

— Да что, оцѣнили торговцевъ, свободныхъ рукъ нѣтъ, да и работниковъ такихъ искусныхъ не найдешь больше въ Туркестанѣ; главное—нѣтъ ни Тимура, ни Абдулла-хана, нѣтъ тѣхъ знаменитыхъ эмировъ, о которыхъ теперь поютъ только въ пѣсняхъ. Такія дѣла дѣлаютъ только великіе люди. Мы,

* Въ нынѣшнемъ году будутъ продолжаться изслѣдованія направленія желѣзной дороги, которая соединитъ Оренбургъ, а слѣдовательно и всю Европейскую Россію съ Самаркандомъ, а можетъ быть и съ Аму-Дарьею. Въ минувшемъ году ученая экспедиція, производящая изысканія, опредѣлила направленіе будущей желѣзной дороги отъ Оренбурга до береговъ Сыръ-Дарьи, именно до станицы Караулагъ. Въ нынѣшнемъ году изслѣдованія будутъ произведены отъ Кара-Тугаа по берегу Сыра, пересекутъ равнины Кара-Узика, пройдутъ на Туркестанъ, Чикментъ, Ташкентъ, Чупаизъ и Самаркандъ. Далѣе предполагается обследовать направленіе будущей желѣзной дороги въ Гиссарскихъ горахъ, изслѣдовать естественную судходность Аму-Дарьи отъ Хазретъ-Шама (протвнъ Кулба) до Петро-Александровска и, наконецъ, обследовать старое русло Яны-Дарьи въ степи Кзылтъ-Кумъ. Все это и въ связи съ атресской экспедиціей Лазарева, недавно предпринятой, обращаетъ общее вниманіе на наши Среднеазіатскія владѣнія.

†) Городъ Ташкентъ дѣлится на двѣ части—русскую и туземную.

‡) Хорошо, очень хорошо!

§) Джандаралъ—генералъ.

¶) Для облегченія разсказа я scelto лучшимъ передать правильнымъ языкомъ неграмматическую рѣчь Хамутъ-Ходжи.

†) Аксакалъ—старшина, отъ словъ: акъ—бѣлый, саяль—борода.

‡) Аманъ—пощадить, здравствуй.

§) Акъ-Падша—Вѣный Царь.

†) Казн—судья.

§) Курбаша—начальникъ полиціи.

¶) Мердекеръ—поденщикъ.

†) Урда—крѣпость.

мусульмане, на красоту храма мало обращаемъ вниманія: вамъ нужно, чтобы строеніе—старинное ли, новое-ли—имѣло значеніе религиозное. По этому то у насъ почитаются только тѣ зданія, къ которымъ народъ стекается для поклоненія, напримѣръ: Гурь-Эмиръ, Кукъ-Ташъ, Шахъ-Зинде...

— У васъ развѣ не уважаютъ всѣхъ мечетей и медресе, перебилъ я его.

— Нѣтъ! И мечети, и медресе уважаются; не всѣ—а тѣ, что строены въ память какихъ нибудь святыхъ или надъ могилами святыхъ. Ну! мечеть Ширъ-Даръ (рис 1) уважаются—построена она Ялунтаръ-Беккомъ въ 638 году ¹⁾ геджры надъ могилою святаго имама Доздагума; но остальные медресе—Улугъ-Бекъ и мечеть Тилля-Кари далеко уступаютъ. Они не имѣютъ той святости, хотъ и построены извѣстными ханами: мечеть Улугъ-Бекъ (рис. 2) или Мирза, какъ всѣ называютъ, построена Улугъ-Беккомъ въ 742 году геджры, а медресе Тилля-Каръ—Ялантушъ-Беккомъ въ 598 году.

— Святыхъ у насъ очень много; почти нѣтъ такого города, который не имѣлъ бы одного или нѣсколькихъ святыхъ. Все таки главные, послѣ священной Бухары и славнаго Самарканда—городъ Туркестанъ; его пожалуй даже выше остальныхъ почитаютъ... Ты тамъ видѣлъ громадную мечеть Хазретъ-Имамъ или Азретъ-Имамъ? Тысячи идутъ туда богомольцевъ, поклониться праху великаго имама ²⁾ Хазретъ-Ходжа-Ахмедъ-Ядавни; всю жизнь свою творилъ добрыя дѣла этотъ имамъ и разными чудесами поддерживалъ истинную вѣру Магомета на землѣ. Я думаю, ты помнишь, какъ отчаянно бились коканцы съ русскими, послѣ того какъ взяли Туркестанъ. Когда палъ этотъ городъ, дуваны и календры ³⁾ рассыпались по всему коканскому ханству и начали проповѣдывать священную войну противъ кяфировъ ⁴⁾, дерзнувшихъ посягнуть на неприкосновенность мусульманской святости; и коканцы вооружились поголовно и война разгорѣлась съ новой силой. Ваше еще счастье, что послали Черняева...

— Ты жалѣешь, что русскіе прогнали вашихъ хановъ и бековъ?.. Можетъ быть вамъ хотѣлось бы скорѣе вернуть законныхъ владѣтелей?

— Спаси насъ Аллахъ! съ ужасомъ воскликнулъ ташкентецъ. Теперь наврядъ найдешь такого человѣка, который хотѣлъ бы этого... Нѣтъ, нѣтъ! мы вѣрные подданные великаго Акъ-Падши! Теперь мы живемъ свободно, спокойно, жизнь и имущество наши безопасны. А что было прежде? дрожью задрожавъ, какъ вспомнишь... Сами беки—и тѣ не могли ручаться за свою жизнь; кто сильнѣе былъ, тотъ и правъ. Сегодня, напримѣръ, ты богатъ и счастливъ, а завтра тебѣ, ни за что, ни про что, какъ барану, горло перерѣжутъ.

И Хамутъ-Ходжа пустился въ длинные разсужденія о прежнихъ порядкахъ.

— Еще одинъ вопросъ, почтенный Хамутъ. Объясни мнѣ,—что такое таджикъ и сартъ? Кажется, между ними нѣтъ разницы?

— Пожалуй. Въ здѣшнемъ краѣ много разныхъ племенъ; самые многочисленныя изъ нихъ—Киргизское, Узбекское и Таджикское. Говорятъ, что таджики происходятъ отъ Иранн ⁵⁾;

Аллахъ ихъ вѣдаетъ—это дѣло ученыхъ. Я знаю, что я таджикъ, а отъ кого мы происходимъ—мнѣ и въ голову не приходило. А что такое сартъ, могу тебѣ объяснить. Слово „сартъ“ значитъ—неизвѣстный человѣкъ; мы же понимаемъ городского жителя или торговаго человѣка. Сартовскаго племени нѣтъ; такое названіе придумали русскіе, когда этого слова „сартъ“ не понимали. Всѣ Ташкентъ населяетъ большею частью таджиками—русскіе же прозвали насъ сартами.

— Ты женатъ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Какъ же! у меня двѣ жены, отвѣтилъ Хамутъ-Ходжа, добродушно улыбаясь.

— А сколько лѣтъ твоимъ женамъ?

— Одной двадцать, а другой тринадцать,

— Такая молодая! воскликнулъ я удивленно.

— У насъ бывають и моложе...

— И что же? Твои жены наряжаются только дома, а на улицѣ, какъ и другія женщины, ходятъ закутанными съ ногъ до головы.

— Какъ же иначе? съ недоумѣвающимъ видомъ спросилъ торговецъ. Дома наши женщины щеголяютъ въ красивыхъ богатыхъ нарядахъ (рис. 5) на улицѣ же требуется самая простая одежда. Фаренджи ¹⁾ онѣ набрасываютъ на голову, длинныя рукава закидываютъ назадъ и связываютъ вмѣстѣ у самыхъ пятокъ; лице закрываютъ чернымъ чачбау ²⁾ замужнія, двѣнадцатъ же дозволяется употреблять бѣлую кисею.

— Это я знаю, отвѣтилъ я. Ты кажется достаточно ознакомился съ русскими обычаями, посмотрѣлся какою свободою пользуются женщины у русскихъ; тебѣ и слѣдовало бы поступать по ихъ примѣру; ты и самъ расхваливаешь наши порядки... Дозволь своимъ женамъ ходить съ открытыми лицами, не держи ихъ въ заперти—другіе сдѣлають тоже, и увидишь какая хорошая жизнь начнется у васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Это невозможно! оживленно возразилъ Хамутъ. Всѣ наши меня на смѣхъ поднимутъ. Магометъ прямо сказалъ: женщина создана только, чтобы повиноваться во всемъ своему мужу, быть ему вѣрною рабою. И онъ не ошибся: дай только имъ свободу, такъ самъ не радъ будешь. Ваши женщины умнѣе—онѣ иначе сотворены,—иному мужчине не уступятъ; любая изъ нихъ можетъ быть кунбегъ ³⁾. Наши же—куклы, ничего не понимаютъ: хороши пока заперты. Позволь имъ открыться—весь родъ человѣческій погубятъ; непременно погубятъ. Коранъ—великая книга и Магометъ—о! онъ знаетъ, что дозволить и что запретить... Предопредѣленія Аллаха не измѣнишь! торжественно заключилъ таджикъ.

Сколько я ни спорилъ, сколько ни старался доказать несправедливость такихъ понятій,—все было напрасно; Хамутъ-Ходжа продолжалъ настаивать на своемъ. Споръ о религій ему, повидимому, сильно не нравился, такъ какъ онъ вдругъ заявилъ:

— Хорошій ты человѣкъ, а все же кяфиръ, и не можешь понять мудраго закона Магомета... Лучше не будемъ спорить, тамыръ... Однако мы заговорились; посмотри, солнце высоко. Становится ужъ жарко! Пора и по домашь. Прощай!

И мы расстались.

Н Стрешковъ.

МОНАСТЫРСКАЯ ПИТОМИЦА.

РѢСЬ ХУІІ ВѢКА.

Историческій разсказъ М. Романова.

I.

Въ кельѣ матери Александры, игуменьи московскаго Вознесенскаго монастыря, было великое смѣненіе. Собравшіяся въ этой кельѣ старицы и монахини узнали, что, по желанію царицы Марьи Ильиничны, игуменья должна была благословить и отдать въ замужество живущую въ монастырѣ дѣвицу Татьяну за государынина крестоваго дьячка.

— Какая честь то намъ! говорила игуменья Александра,—стало быть насъ помнитъ царица, своими царскими милостями чествуетъ... Ну, слушайте, что дальше то мнѣ повѣдала царицына посланная: государыня, видите ли, приказывала: сама изволить смотрѣть невѣсту своего жалованнаго дьячка и для того приплыть отъ двора женщины и проведетъ она Татьяну мимо государыни; а будетъ въ то время государыня въ царь-Борисовой палатѣ. Ну что, матери, скажете?

Послѣ нѣкотораго молчанія изъ среды слушательницъ

¹⁾ По мусульманскому лѣтосчисленію.

²⁾ Пимамъ—духовный санъ.

³⁾ Дуваны—соотвѣтствуютъ дерианамъ въ Турціи.

Календры—люди, не признающіе ни рода, ни племени; небольшими обществами скитаются они съ мѣста на мѣсто, распѣвають разные молитвы и выпрашиваютъ милостыню. Имущество у нихъ общее. Они отличаются фанатизмомъ.

⁴⁾ Кяфиръ—неверный.

⁵⁾ Иранн—персіане.

поднялась высокая, сухощавая монахиня и низко поклонившись Александрѣ, тихо проговорила:

— Правда матушка—дорога намъ велика государыни милость. Только у Тани нашей ровно вѣдь ничего нѣтъ приданаго, а я кой что слышала отъ той бѣлицы-то посланной,—женихъ, вишь ты, не прочь и отъ денегъ, коли монастырь что пожалуетъ... Твоя матушка воля, сама разсуди—я свое сказала.

— Нѣтъ, Катерина, не дѣло это. Та вдова Авдотья, что въ кельѣ у тебя проживаетъ, да и со сватомъ жениховымъ, были у меня и все это я имъ сказывала. У нихъ для смотринъ невѣстѣ и платье ужъ готово, а прочее приданое все—государыня пожалуетъ.

— Доброе дѣло, дай Богъ здоровья государынь, негромко заговорили монахини.

Но старица Катерина опять поднялась и сказала рѣшительно.

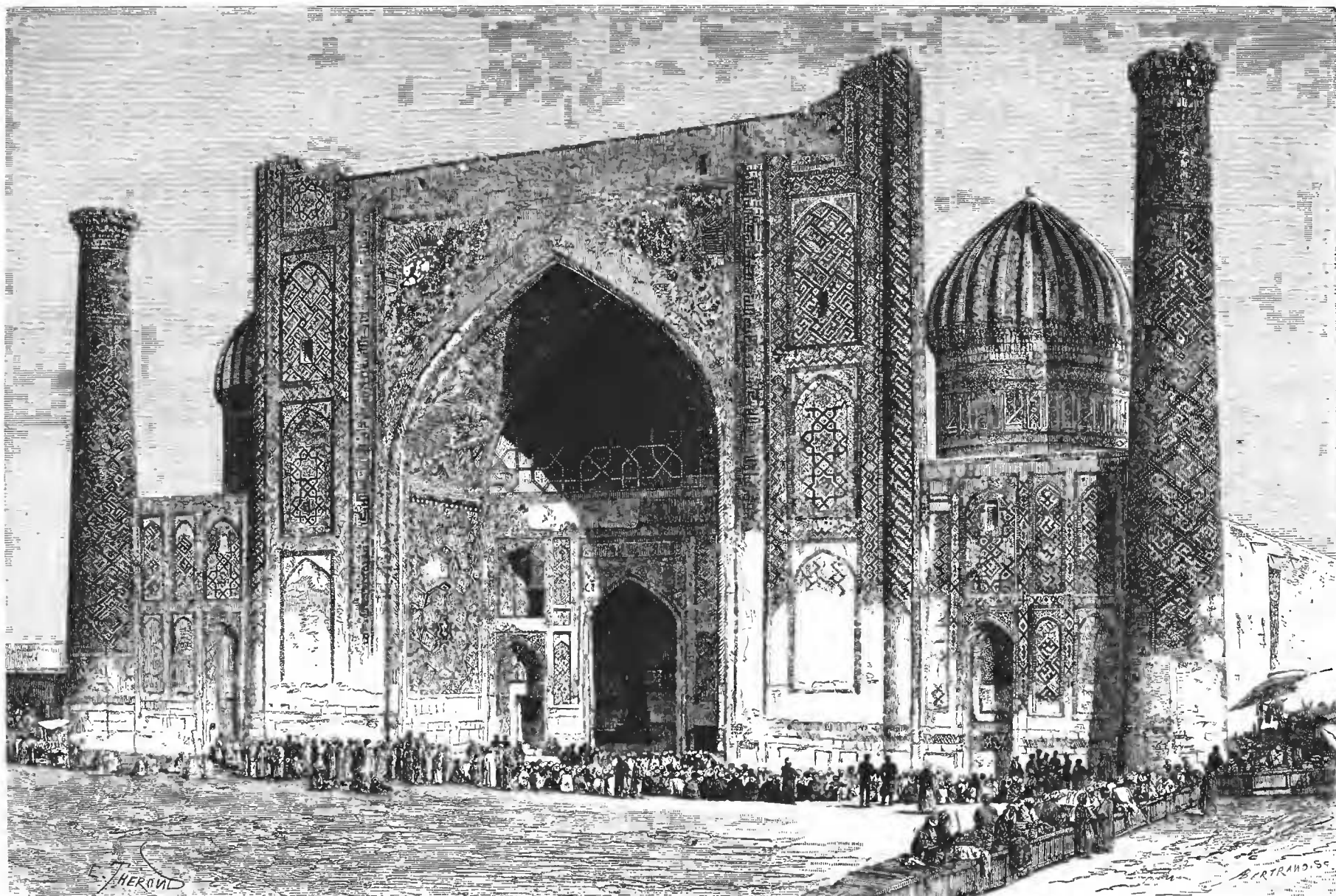
А все же благослови мнѣ, матушка, слово мол ить—оповѣститъ бы теперь же самое то Таю—вѣдь е, все же, это дѣло.

— Сдѣлаемъ и это, отвѣтила игуменья. Я в. . по-

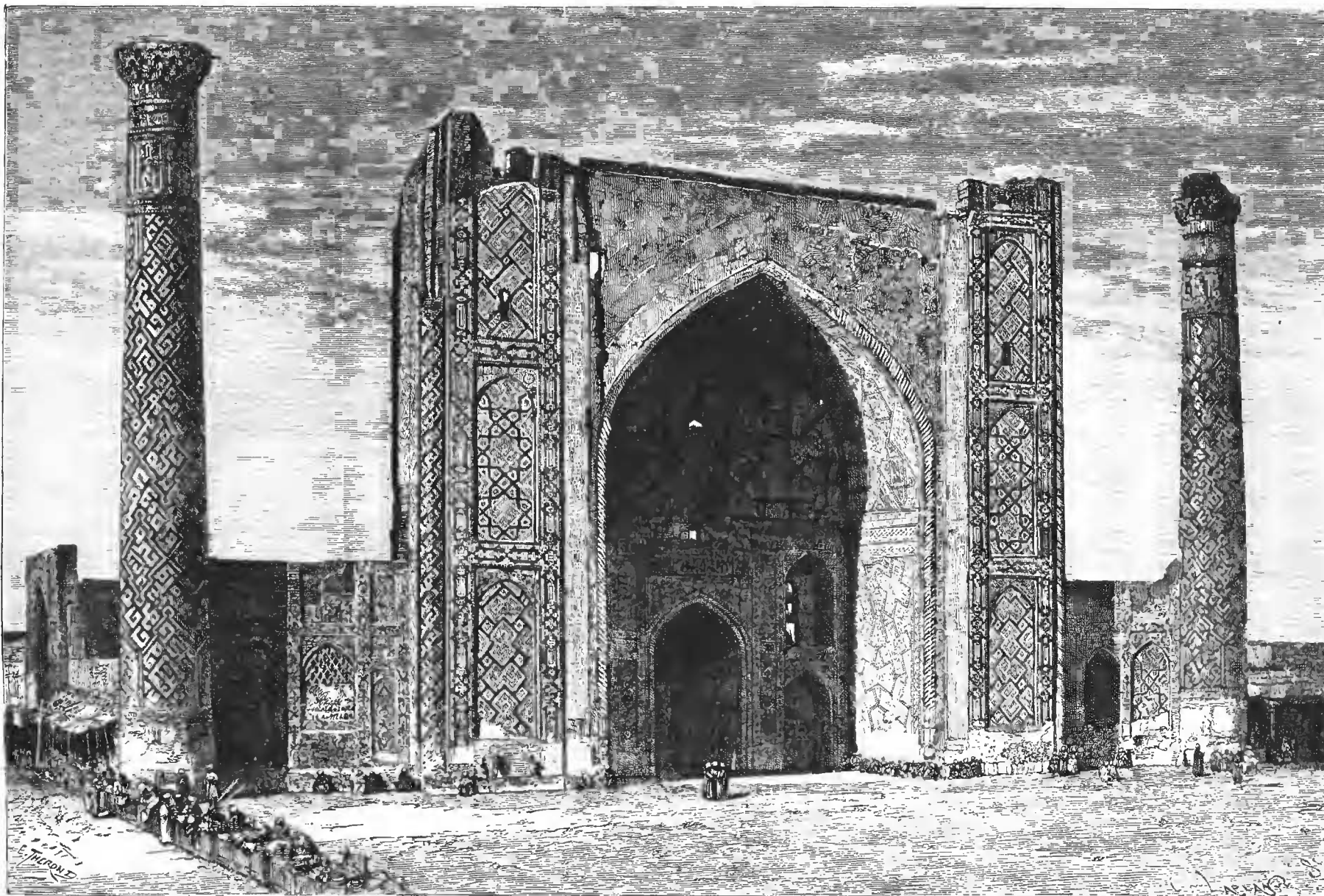
¹⁾ Фаренджи—женской халатъ.

²⁾ Чачбау—сѣтка изъ конскаго волоса.

³⁾ Кунбегъ—великій вѣзиръ или первый министръ.

1). Мечеть Ширъ-Даръ въ Самарандѣ. Рис. Теронъ, грав. Бертранъ.

2). Мечеть Улугъ-Бекъ въ Самаркандѣ. Рис. Теронъ, грав. Лаплантъ.

безпечнымъ тономъ спросила дѣвушка. Можетъ не понравится мнѣ онъ—женихъ-то.

— Какъ? царскій-то женихъ да не понравится—вотъ сказала!

— Да что же, матушка, коли онъ, може, уродъ какой... може я ему не понравлюсь!.. А то мнѣ и тебѣ не понравится... тебѣ вотъ почитать не станеть и мало-ли что—тогда какъ же?

— Ну, вона, что надумала. Вѣдь эдакъ по твоимъ рѣчамъ и отказать ему легкое дѣло, а этого и думать нельзя—завтра же нужно отвѣтъ.

— Завтра же отвѣтъ... и не видали... и отказать нельзя... Господи помилуй! что-жь это? да вѣдь эдакъ вы меня за медвѣдя отдать можете!.. испуганно вскрикнула Тая.

— Молчи, молчи, что ты! безумная! Ишь кричить, точно рѣжутъ ее. Что ты? Уймись, перестань!

А Тая пуце и пуце заговорила.

— Вотъ я правду думала, ужъ не пройдетъ мнѣ даромъ, что помолиться то я нонѣ забыла; вотъ она бѣда-то! вотъ загубила я свою душеньку!..

— Поди, Танечка, лягъ, успокойся, никакой бѣды нѣтъ! Я за тебя помолюсь, и жениха увидишь... и все устроишь и волю царицыну соблюдешь и счастье твое. Ничего не видя что убиваться! Отказать нельзя, да вѣдь можетъ и женихъ хороший. Изъ за чего царица на насъ гнѣваться: мы ея вѣрныя рабы и богомолицы и ты сама знаешь, она всегда милостива къ намъ. Ну поди же усни, дѣтка, растроганнымъ голосомъ проговорила игуменья и перекрестила Тая.

— Послѣ утрени зайдешь ко мнѣ, потолкуемъ. Богъ съ тобой, будь умница, утро вечера мудренѣе. Спи спокойно.

Она поцѣловала Тая и кликнула Акулю.

— Поди да побудь съ нею, пока не уляжется.

Тая, взволнованная, блѣдная, въ сопровожденіи Акули, пошла къ себѣ. Баловница всего монастыря никогда

и въ мысли не имѣла, чтобы ее рѣшили выдать замужъ противъ ея воли.

III.

Возвратившись въ келью, бѣлица не нашла въ ней Катерины. Она оглядѣла всѣ углы и промолвила:

— Эхъ ты постница, еще не угомонилась! ну да пойду себѣ, лягу.

Она пробралась въ свою комнату, отдѣленную отъ кельи высокой перегородкой.

— Кажись дѣло-то выгорѣло! только-бъ этотъ Фролка проклятый не подгадилъ—втюрился, вишь ты, въ невѣсту. А ужъ тутъ мало пути! Женить мы его, а онъ потомъ и скажетъ: „ничего де мнѣ не надо, лишь бы была Тая“. Нѣтъ, это дѣло надо повернуть. Фролку провѣсть не

трудно, надо только умѣючи взяться. Онъ нуженъ покуда устроится, а тамъ женихомъ-то пусть лучше Ивашка запишется, это-то вѣрнѣе будетъ.

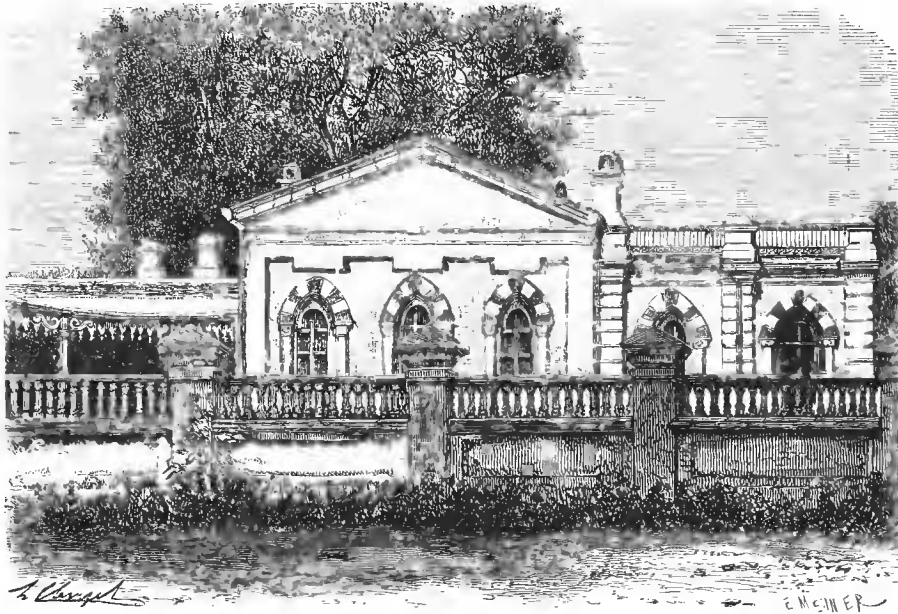
— Оно правда, опаски больше, да и невѣстѣ то врядъ ли онъ понравится... Да больно это нужно!.. еще лучше какъ поскорѣй мы ее спровадимъ—надоѣсть вѣдь! Хорошо—скоро дадутъ приданое, а если нѣтъ, что тогда? Ну да вѣдь не впервые и не то дѣлывали. Намъ Фролку-то только бы показать, коли потребуютъ. Однако—покуда царица то не приѣхала, надо дѣлать, а то матери къ ней какъ разъ съ поклонномъ отправятся. Вишь вѣдь счастья то имъ привалило!..“

Авдотья расхоталась.

— И вѣдь случилось же мнѣ на эдакое ихъ счастье въ монастырь навѣдаться! И впрямъ видно Богъ молитву-то любить... Такъ бы Танькѣ то и просидѣть вѣкъ въ дѣвкахъ!..

Катерина, по уходѣ бѣлицы, нѣсколько минутъ походила по комнатѣ, подошла къ постели, хотѣла улечься, но не могла.

— Нѣтъ, загубить ее лиходѣи, тяжело вздыхая проговорила она, чуетъ сердце мое что-то недоброе. О, Господи! и я то не могу ничего сдѣлать. Противъ царицы

3). Домъ генераль-губернатора въ Ташкентѣ. Рис. Клерже, грав. Менье.

1). Русскія укрѣпленія въ Ташкентѣ. Рис. Барклай, грав. Лапшантъ.

5). Таджиксiя и Сартсiя женщины. Рис. Вустъ, грав. Лаплантъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

Х ГОДЪ
№ 25
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
ГОДЪ Х
1879

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 18 Юня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для ипечатанія въ „Нивѣ“ принимаютъ по 25 и. за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала отирята ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьеваи Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи 6 „

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и отки неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всеми приложениями.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. назначеевъ.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Изъ записокъ русскаго путешественника).
(Окончаніе *).

III.

Воспоминанія о Туркестанскомъ краѣ, кроме громкаго имени М. Г. Черняева, тѣсно связаны съ воспоминаніями и объ Александрѣ Константиновичѣ Абрамовѣ; говоря объ одномъ, нельзя умолчать о другомъ.

Александръ Константиновичъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ водворенія русскаго владычества въ Средней Азии. Неустанно, въ теченіи семнадцати лѣтъ, трудился онъ надъ утверженіемъ и дальнѣйшимъ распространеніемъ нашего вліянія во вновь приобрѣтенныхъ владѣніяхъ; и теперь онъ продолжаетъ съ тѣмъ же умѣньемъ и усердіемъ, — нужно прибавить и съ большимъ успѣхомъ, — стремиться къ той же цѣли.

Въ 1862 году, во время осады Коканской крѣпости Пиншекъ, впервые прозвонится имя Александра Константиновича: 14-го октября подъ управленіемъ поручика Сибирской пѣшей батареиной батареи Абрамова, пускаясь въ крѣпость навѣспная ракеты. И на первыхъ же порахъ судьба строго отнеслась къ молодому артиллеристу. Отъ вы-

Генераль-лейтенантъ А. Н. Абрамовъ. Рис. Ронжа, грав. Гильдебрандтъ.

стрѣла пиншекской мортиры вдругъ взорвало напѣ пороховой погребокъ; дѣйствіе взрыва было ужасно, — нѣсколько труповъ нашихъ людей выброшены за батарею, нѣсколько офицеровъ и нижнихъ чиновъ были ранены, контужены и засыпаны землею; въ числѣ контуженныхъ находился и поручикъ Абрамовъ. Это несчастное событіе вѣроятно на всю жизнь останется памятнымъ нашему туркестанскому герою; — еще до сихъ поръ ему приходится оберегать свою голову маленькою черною шапочкою отъ вѣтра, сырости, угара. Подъ руководствомъ подполковника Колпаковского *) проишли первые опыты Александра Константиновича на военномъ поприщѣ. Уже въ 1865 году юный артиллеристъ, въ чинѣ Штабсъ-Капитана, получаетъ отдѣльную порученія, которые и исполняетъ съ блестящимъ успѣхомъ. Предводительствуя маленькимъ отрядомъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, онъ обезоруживаетъ крѣпость Чиназъ, успокоиваетъ ея жителей и уничтожаетъ переправу на р. Сыръ-Дарьѣ. Вслѣдъ за этимъ, командуя штурмовою

*) Имя Генераль-Лейтенанта.

*) См. №№ 23 и 24, 1879.

колонно, Штабс-Капитанъ Абрамовъ оказываетъ Генералу Черняеву дѣятельное содѣйствіе при взятіи города Ташкента. Овладевъ однимъ барбетомъ за другимъ, уничтожая баррикаду за баррикадой, заклепывая орудія и обращая въ бѣгство отчаянно защищавшихся Ташкентцевъ, Абрамовъ побѣдоносно врывается въ городъ. Въ своемъ рапортѣ отъ 7-го іюля того года М. Г. Черняевъ указываетъ между прочимъ на Абрамова, какъ на особенно отличившагося храбростью и распорядительностью.

Въ слѣдующемъ 1866 году, въ маѣ мѣсяцѣ происходило извѣстное сраженіе на урочищѣ Ирджарѣ. Во главѣ небольшой колонны капитанъ Абрамовъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и искусствомъ производитъ наступленіе; ни ушащенный артиллерійскій и ружейный огонь непріятели, ни его завалы, не могли помѣшать стройному движению штурмовой колонны. Все дѣлалось какъ на ученьѣ. Черезъ какіе нибудь полчаса, наша пѣхота уже была на завалахъ и билась съ бухарскими артиллеристами, а наша артиллерія была уже впередъ заваловъ и картечью поражала новыя массы, пытавшіяся остановить наступавшихъ.

Въ 1867 году, въ чинѣ подполковника, Абрамовъ командуетъ Джизакскимъ отрядомъ, подѣ Яны-Курганомъ обращаетъ въ бѣгство въ пѣсковое десятковъ разъ сильнѣйшую туркменскую конницу и съ незначительными силами принуждаетъ къ поспѣшному отступленію Бухарскаго начальника Шукуръ-Бека, имѣвшаго по крайней мѣрѣ двадцать тысячъ войска. Затѣмъ въ продолженіи всей нашей войны съ Бухарскимъ Эмиротомъ, Саидъ-Музаффаръ-Богадуръ-Ханомъ, произведенный въ полковники, находясь во главѣ передоваго отряда, то неутомимо тревожитъ непріятели, то усмиряетъ непокорныхъ, то преслѣдуетъ шайки грабителей, вторгавшіяся во вновь покоренныя нами страны, и въ тоже время безостановочно подвигается впередъ, вслѣдъ за отступавшимъ Эмиротомъ.

Въ 1868 году палъ древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Средней Азіи, гордый своею историческою славою, центръ мусульманства—Самаркандъ. Утромъ 1 мая, въ виду бухарскаго лагеря показались русскія колонны, готовые атаковать непреступную позицію, на которой укрѣпились бухарцы. Передъ ними былъ разлившійся быстрый Зарявшанъ, почти непроходимый весной; за рѣкою поднимались крутые склоны Чунанъ-Ата, покрытые густыми массами непріятели. Но несмотря на непреступность позиціи, высоты Чунанъ-Ата были взяты штурмомъ; разстроенный непріятель бѣжалъ и Самаркандскіе жители, не выспивъ къ себѣ разбитыхъ бухарцевъ, отворили городскія ворота нашимъ храбрымъ войскамъ. Успѣшному окончанію этого боя болѣе всего содѣйствовалъ полковникъ Абрамовъ, командовавшій передовою линіею.

Насколько дорожатъ средне-азіяты Самаркандомъ, заключающимъ въ себѣ много мусульманскихъ святынь, можно судить изъ словъ, произнесенныхъ со слезами на глазахъ самимъ Эмиротомъ. Получивъ извѣстіе о пораженіи своей арміи и о потерѣ Самаркандъ, Музаффаръ воскликнулъ: „Лучше бы Аллахъ лишилъ меня жизни!“

12-го мая того же года послѣ упорнаго боя въ садахъ и на улицахъ города Ургута, А. К. уничтожаетъ армію Гуссейнъ-Бека и овладеваетъ крѣпостью, до того времени считавшеюся непреступною. А 2 іюня полковникъ принимаетъ дѣятельное участіе въ битвѣ на Зарыбулакскихъ высотахъ, гдѣ 6 тысячъ пѣхоты, при 14 легкихъ орудіяхъ и 15 тысячъ конницы подѣ начальствомъ Ходжи-Бека и Османъ-Бека не выдержали дружнаго натиска нашихъ войскъ и были разсѣяны въ разныя стороны.

По заключеніи 23 іюня 1868 года мира съ Бухарою, А. К. Абрамовъ, въ чинѣ Генераль-маіора, былъ назначенъ начальникомъ Зарявшанскаго округа.

Не легко было вводить благоустройство, новые порядки въ самомъ крайнемъ уголѣ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, среди фанатическаго и враждебно къ намъ расположеннаго населенія, вблизи однаго изъ самыхъ сильныхъ независимыхъ ханствъ. Новое управленіе пришлось вводить тотчасъ-же по окончаніи военныхъ дѣйствій, когда умы не успѣли еще успокоиться, когда малѣйшая ошибка могла повести за собою самыя пагубныя послѣдствія.

На долю Генерала Абрамова пала задача далеко не легкая. И не смотря на это, изъ всѣхъ затрудненій и опасностей онъ вышелъ со славою и вполне оправдалъ оказанное ему довѣріе.

Ласковымъ обращеніемъ, постоянно ровною справедливостью А. К. скоро заслужилъ расположеніе туземцевъ. Послѣдніе не могли не замѣтить разницы между безпорядочнымъ жестокимъ произволомъ своихъ прежнихъ повелителей и въ высшей степени гуманнымъ правленіемъ кяфры *). Рѣзкій переходъ отъ страха за жизнь и имущество къ полнѣйшей безопасности былъ причиною того, что фанатическое населеніе забыло свою ненависть къ завоевателямъ и искренно полюбило новаго своего губернатора. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться на дѣлѣ во время моего пребыванія въ Самаркандѣ. Я самъ видѣлъ съ какою охотою шли туземцы къ генералу Абрамову, съ какою увѣренностью въ его правый судъ стекались они къ нему для рѣшенія разныхъ споровъ. Въ нѣсколько лѣтъ богатый Зарявшанскій округъ принялъ совершенно другой видъ; онъ

вырвался изъ подѣ ига азіатскаго застою и зажилъ новою, спокойною и счастливою жизнью. Теперь и не узнать города Самаркандъ; на немъ болѣе всего отразилось благотворное вліяніе новаго управленія: понемногу кривые закоулки замѣняются прямыми, широкими улицами и тѣнистыми бульварами, число правильныхъ и прочныхъ построекъ съ каждымъ годомъ увеличивается, большіе базары освобождаются отъ плѣсени и грязи, которыя въ нихъ царствовали прежде и т. д.

Съ менѣйшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ А. К. какъ политикъ. Основательно изучивъ характеръ средне-азіатцевъ, онъ сумѣлъ укрѣпить наши отношенія къ Бухарскому Эмиру. Вѣроломный Саидъ-Музаффаръ, испытавъ во многихъ случаяхъ твердость генерала Абрамова, принужденъ былъ отказаться отъ прежняго образа дѣйствій; онъ понялъ, что съ новымъ соседомъ шутить нельзя и что противорѣчить ему опасно. Присмирѣвъ грозный повелитель Бухары, почувствовалъ строгую руку русскихъ, и покорно принялся исполнять требованія ихъ представителя на Зарявшанѣ.

Я никогда не забуду перваго моего свиданія съ Музаффаромъ; первыми его словами были: „какъ поживаетъ генералъ Абрамовъ? по прежнему-ли онъ къ намъ благосклоненъ?“ Когда же я сталъ спрашивать его мнѣнія по многимъ вопросамъ, оставшимся неразрѣшенными, то Эмиръ отвѣтилъ: „во всемъ я совершенно согласенъ съ генераломъ Абрамовымъ.“

Нынѣ дѣятельность А. К. перенесена въ другую часть нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Недавно завоевано ханство Коканское и обращено въ Фергалскую область. Понадобился опытный администраторъ—и выборъ палъ на генераль-маіора Абрамова, вскорѣ произведеннаго въ генераль-лейтенанта. Введя благоустройство въ одномъ краѣ, генералъ Абрамовъ приступилъ теперь къ введенію правильного управленія въ другомъ;—безъ сомнѣнія ему удастся довести это дѣло до конца и въ Ферганѣ также, какъ въ Зарявшанѣ. Намъ остается только порадоваться, что довѣріе пало на достойнаго, и пожелать А. К. лучшаго успѣха и всякаго счастья въ новомъ мѣстѣ его служенія.

Между городами Ассакѣ и Андижаномъ, на большомъ пространствѣ тянется равнина, сплошную покрытая мелкимъ, бѣлымъ пескомъ; не говоря уже о деревьяхъ—ни кусточка, ни травки не видать въ этой безводной степи. Въ особенности лѣтомъ трудней переходъ черезъ нее: удушливымъ жаромъ пышетъ на васъ со всѣхъ сторонъ, и отъ солнечныхъ лучей, и отъ горячаго вѣтра, и отъ накаленнаго песку (рис. 4). Переѣздъ изъ Ассакѣ въ Андижанъ сильно напоминаетъ Бухарскія степи, съ тою только разницею, что въ послѣднихъ мнѣ пришлось испытать сильнѣйшій песчаный бурянь,—что гораздо хуже нашихъ свѣжыхъ мятелей, тогда какъ переѣздъ черезъ коканскіе кумы *) совершился весьма благополучно. Степь представляла предо мною, это громадное песчаное море. Все пространство до самаго горизонта—рядъ безчисленныхъ холмиковъ, горачія песчаная волны, отдѣленные одна отъ другой небольшими лощинками. Дороги положительно не видно;—нашъ проводникъ находилъ ее по оттиснувшимся на песокѣ слѣдамъ лошадей, ишаковъ **), верблюдовъ и людей.

—Теперь, когда тихо, дорогу еще не трудно найти, загворилъ со мною одинъ изъ моихъ спутниковъ, татаринъ-торговецъ, а когда вѣтеръ—всѣ эти слѣды замечаются.“

—Какъ же находятъ тогда дорогу? спросилъ я.

—Не знаю какъ вамъ объяснить.... и татаринъ широко развелъ руками.

Это секретъ туземцевъ. Удивительнѣе всего—они рѣдко сбиваются съ пути. Здѣсь эти пески называютъ „ходячими“ песками. Бываетъ же это такъ: какъ только поднимается вѣтеръ, песокъ приходитъ въ движеніе; сперва онъ тихо стекаетъ по землѣ, потомъ понемногу поднимается выше и выше, и наконецъ густыми громадными столбами,—то взвывается вверхъ, то быстро переносится съ однаго мѣста на другое. Тогда происходитъ нѣчто удивительное, волшебное: тамъ, гдѣ теперь высятся холмы, образуются глубокія лощины, а на мѣсто долинокъ, которыми мы ѣдемъ, появляются высокія холмы; точно злые духи, на зло люднмъ, адскую игру затѣваютъ.... Часто заноситъ этими песками цѣлые караваны, да такъ, что и слѣдовъ никакихъ не сыщешь. Такими песчаными степями Средняя Азія очень богата.

А вотъ и другая картина. По дорогѣ изъ Маргелана въ укрѣпленный городокъ Учъ, между отрогами Кашгаръ-Давалскаго хребта есть прелестная Шахмарданская долина. Со всѣхъ сторонъ она окружена горами, мѣстами покрытыми лишь мхомъ и кустами высокой травы. По этой долинѣ, перебѣгая по круглымъ булыжникамъ, протекаетъ горный ручей Шахмарданъ; красиво разбросанныя группы деревьевъ дополняютъ картину. Къ этой мѣстности приходятъ большія толпы богомольцевъ для поклоненія гробницѣ Али, мужа Фатимы—дочери Магомета (рис. 3). Гробница признается чуть ли не первою святынею во всей Средней Азіи; она находится въ глубинѣ большой пещеры. Рассказываютъ, что Али, или, какъ его называютъ, Шахмарданъ т. е., „царь мужей,“ въ концѣ своихъ странствованій оста-

*) Кумы — песокъ.

***) Ишакъ — оселъ.

*) Кяфры — еврейскіе.

новился въ этой долинь, вошелъ для отдыха въ пещеру и больше не возвращался. Поэтому полагаютъ, что въ пещерѣ на всегда поселился духъ мусульманскаго святаго и что онъ показывается лишь изрѣдка въ полномъ вооруженіи и на конѣ, только для испиенія слѣпыхъ, въ большомъ количествѣ стекающихся сюда. Надъ пещерою построена высокая мечеть, а вокругъ мечети разведенъ великолѣпный садъ. Еще до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, гдѣ именно покончѣ прахъ Алія, такъ какъ могилъ его насчитываютъ до пяти.

Недалеко отъ Шахмардана расположенъ въ гористой мѣстности укрѣпленный городокъ Учъ. По своему виду онъ ничѣмъ

не отличается отъ прочихъ средне-азіатскихъ городовъ (рис. 5); за то въ его стѣнахъ сохраняется великая мусульманская святыня, а именно тронъ царя Соломона. Внѣшній видъ трона не представляетъ ничего замѣчательнаго: онъ сдѣланъ изъ карагачеваго дерева и украшенъ грубою рѣзбою; когда-то, какъ утверждаютъ мусульманскіе ученые, онъ былъ обсыпанъ драгоценными камнями, но отъ этихъ камней теперь ничего не осталось. По преданію тронъ Соломона занесенъ въ кокапское ханство сильѣйшимъ вѣтромъ. Какъ объ этомъ тронѣ, такъ и о тронѣ жены Соломона, прекрасной Балкысъ, существуютъ очень поэтическія сказанія.

Н. Стремуховъ.

МОНАСТЫРСКАЯ ПИТОМИЦА.

БЫЛЬ ХУІІ ВѢКА.

Историческій рассказъ М. Романова.

(Продолженіе).

V.

Изъ монастыря Авдотья направилась прямо за Москву-рѣку въ однуизъ отдаленныхъ слободъ, вошла въ деревянный, покосившійся домъ и калитка на ржавыхъ петляхъ съ визгомъ захлопнулась за нею.

Отъ этого звука дрожь пробѣжала по ней—ей припомнилась та ужасная минута, когда ее привели къ дознанію по учиненному ею доносу. Ее заперли въ темную коморку, стращали пыткой—приходилось каяться въ своемъ злоязычій. Звукъ затворявшейся калитки теперь напомнилъ ей звукъ ржавыхъ петель приказной избы, куда ее запирали.

Авдотья вошла на дворъ, заросшій травой.

На встрѣчу ей на крыльцо вышелъ человекъ съ короткою сѣватою бородою, краснымъ, загорѣлымъ лицомъ и мускулистыми обнаженными руками.

— Вотъ она, кукушка! Экъ тебя носить; затѣла пустяки, да и умничаетъ. Видно противъ святости-то ничего не подѣлаешь! Выгнали, сказывай, выгнали? Ха, ха, ха—такъ и зналъ, не въ свои сани разсѣлась...

— Тыфу, зубоскалъ окаянный, сдѣлаю я все одна и Фролку повѣнчаю; думаешь безъ тебя пона не сыщемъ? Гдѣ Фролъ? дома?

— А гдѣ-жъ ему быть?

Авдотья скоро помирилась съ сообщникомъ своимъ и передала ему свой планъ устратить Фрола, и самому Ивану Девулѣ заступитъ его мѣсто.

— И говорить не смѣй! За васъ да на дыбу понасть! Этому не бывать! И что тебѣ? Любы они другъ дружкѣ, или нѣтъ—намъ свое, имъ свое. Еще такъ то лучше и намъ спокойнѣе.

— Такъ зови сюда Фролку.

Племянникъ Авдотьи, Фролъ Савинъ, красивый паренъ лѣтъ двадцати двухъ, пришелъ на зовъ Ивана и бросивъ взглядъ на тетку, старался прочесть на ея лицѣ съ какими она вѣстями.

— Для васъ, лѣшихъ, старайся вотъ, а какъ еще отблагодарите?

— Ужели же и вправду ты смастерила?

— Смотри же Фролка, коли обманешь али сдуришь, да меня не послушаешь, такъ ужъ такая тебѣ бѣда будетъ, берегись! Въ воскресенъе готовься, приходи да не потайно, а прямо въ церковь.

— Ой, что ты! вскричалъ Фролъ, не помня себя отъ радости. Но вдругъ лицо его омрачилось и онъ тихо проговорилъ:

— Лучше бы добрымъ-то порядкомъ высватать Таню... Тетенька, ты со мной неладно сдѣлала! Нечестно мы это дѣлаемъ и радости моей какъ и нѣту!

— Это еще что! Рехнулся ты? Перестанешь ты на меня тарашить глаза, закричала она, не то убирайся совсѣмъ! Ну тебя!

Иванъ хохоталъ, держась за бока.

— Да ты сама что ли съ ней подъ вѣнецъ-то пойдешь?

— Знамо, коли-бъ была мужикомъ, такъ съ вами бы толковать не стала, а то вишь изъ-за такого пустяковаго дѣла троихъ въ подговорѣ держи!

— Тетенька, лучше пообождачь да съ тятенькой поговорить, не убьешь, коли придти; бить будетъ—стерплю, а ужъ потомъ и сватать Танюшку.

— Поди, поди, онъ те послатаетъ дубемъ. А, да ну те, провались! Дѣлай какъ знаешь. Вправду сказать, чего я то этимъ связалась, брошу все!

И Авдотья въ сильномъ гнѣвѣ, съ проклятіями выскочила въ другую комнату.

— Да говори же, тетенька, догналъ ее Фролъ, что нужно, сдѣлаю, чего-жъ бранишься-то. Ты говоришь, въ церковь придти, а дальше что?

Авдотья утихла, воротилась и начала рассказывать, какъ успѣла заворочить игуменью рѣчами про царицу и что та потребовала непремѣнно, чтобы женихъ пришелъ показаться прежде, чѣмъ отпустить невѣсту къ государынѣ. Что она, Авдотья, очень боится, чтобы старуха сама не захотѣла сопровождать невѣсту въ царь Борисову палату.

— Тогда все пропало, пояснила она,—укрыться не успѣемъ—схватятъ.

— Куды-жъ, тетенька, укрываться послѣ? Хорошо тебѣ, или Ивану укрыться, а мнѣ куда? Нѣтъ, что ни говори, дѣло страшное! Обманъ царицынымъ словомъ—шуточное дѣло!

— Ахъ ты баба, баба! вспылила опять Авдотья, ничего-то ровно ты не смыслишь. Коли дурнемъ не будешь? Ужли думаешь, монахини захотятъ твоей погубели, когда мужемъ Татьянинимъ будешь. Онѣ и жаловаться-то не стануть, коли-бъ успѣли мы все скорѣе обдѣлать только.

— Такъ рассказала бы, какъ же все это будетъ.

— А вотъ слушай, я тебѣ буду сказывать: придешь ты, приварядившись, въ храмъ и встань ты у лѣваго клироса; послѣ обѣдни можетъ тебя позовутъ къ игуменьѣ, такъ умѣй обойтись, заслужить, чтобы полюбила. Увидишь можетъ невѣсту, а можетъ и нѣтъ, да вѣдь ее ты видѣлъ, такъ чего же еще. А тамъ денъка черезъ два можно и Дашку... за невѣстой. Ты, Девуля, ее подговори, чтобъ не спятилась.

— Ладно обвѣнчаемъ у Кузьмы Демьяна, отвѣтилъ Иванъ.

— А ты, ступай, добывай себѣ хорошую одежду, займи хоть, да чтобъ все ладно было, распорядилась Авдотья, обращаясь къ Фролу.

— Ладно, проговорилъ онъ, въ раздумьи, выходя изъ коморки.

— Такъ ты говоришь, что денегъ монастырки много ей дадутъ? спросилъ Иванъ.

— Не обидятъ! Акулька все знаетъ.

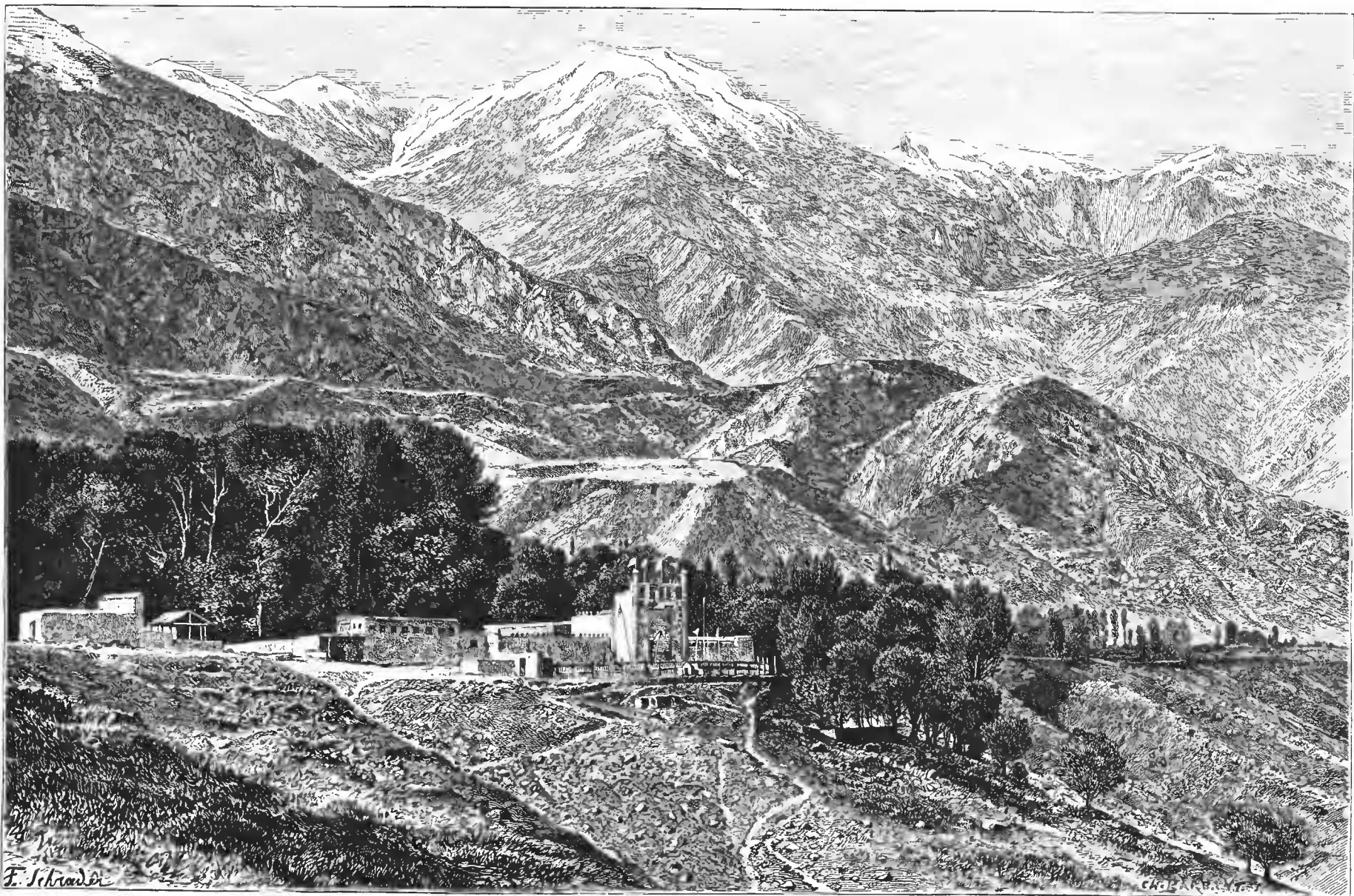
— Смотри, чтобъ было изъ-за чего... Чтобъ Фролка твой не надуль...

— Небось, онъ у меня въ рукахъ. Смерть боится колдовства; припугну этимъ его—все наше будетъ.

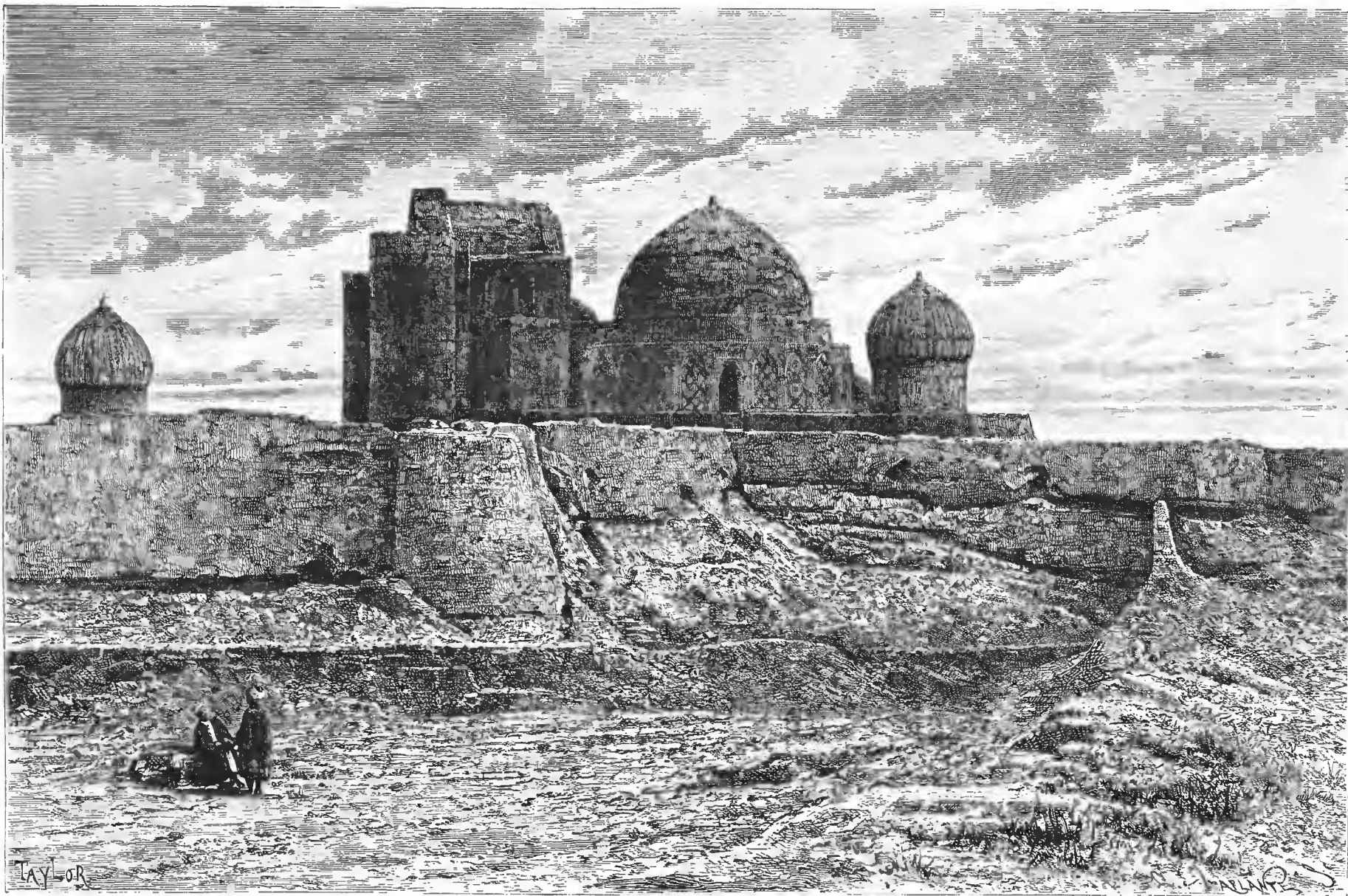
— Осердятся, и не дадутъ ни алтына...

— А Таньку то имъ небось не жалко? Какъ кому, а Катеринѣ она таки сродни... эдакъ съ ней нянчиться...

— Эй, не попадись, внушительно сказалъ Иванъ.

2. Гробница Али въ Шехимарданъ (Ноканъ). Рис. Шрадеръ, грав. Барбанъ.

3. Видъ мечети Хазрета въ г. Турнестанѣ. Рис. Тайлоръ, грав. Лаплантъ.

— Какъ велишь государыня, сама тебѣ привезу. Дѣвочки хорошия: одной лѣтъ двѣнадцать, а другая еще малолѣточекъ—шесть годочковъ не болѣ.

— Да кстати насчетъ Марьицы-то: я назначила ей въ приданое небольшую вотчинку, да деньгами что можно, ну уборы тамъ разные, полотна тоже получить а жениха ей прискаты не доспѣла. Вотъ коли у кого на

дѣла опустишь глаза, погруженная въ какую-то полудремоту, и даже ничего не слыхала изъ того, что говорилось.

Катерина не могла больше вынести. Она рѣшилась забыть свое положеніе, забыть все приличія...

— Государыня!.. проговорила она дрожащимъ голосомъ приподнимаясь съ своего мѣста.

Но царица ее не слышала,—она оживленно говорила

4. Двинушіеся пески въ Конанской степи близъ Андижана. Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ.

примѣтъ парень дѣльный да смиренный пайдется, можно бы и свадьбу послѣ поста сыграть.

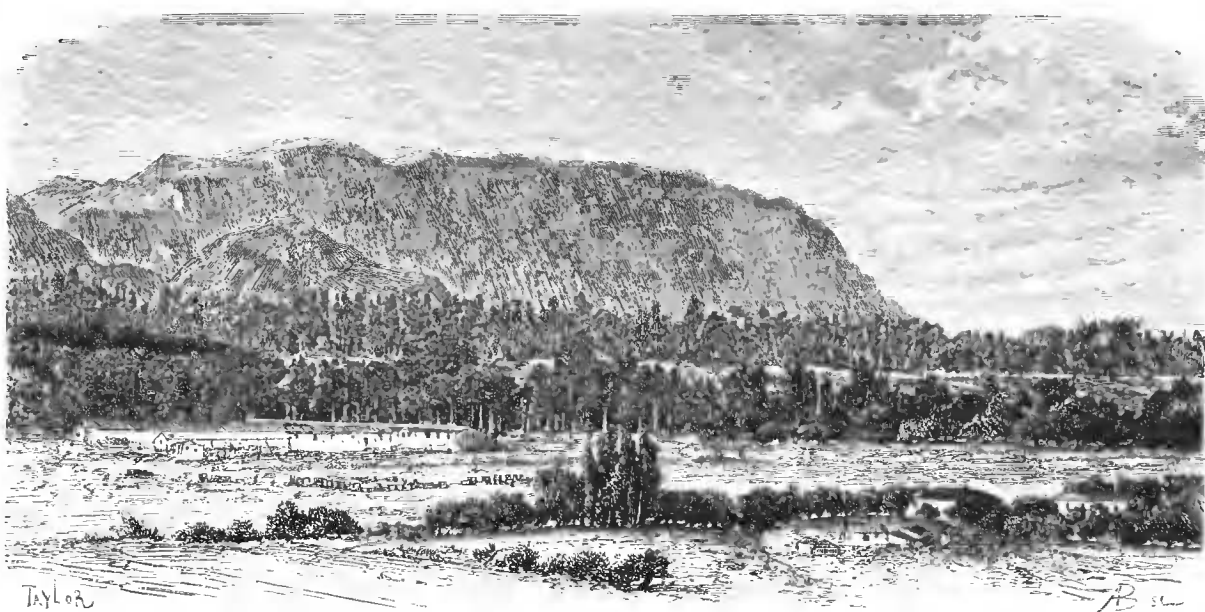
— Да у меня и женихъ есть, весело сказала Троекурова, моего мужа крестникъ. Сама государыня досмотришь, а по моему Алеша пригоденъ. Онъ мѣсто въ приказѣ царскомъ имѣетъ и его тамъ начальники любятъ, онъ и награды получаетъ за свою толковитость, противу другихъ не въ примѣръ.

При этомъ разговорѣ Катерина вдругъ встрепенулась

что-то Троекуровой. Сидѣвшія рядомъ съ Катериной покосились на нее, удивляясь дерзости, съ которою она вздумала говорить царицѣ—и несчастная монахиня должна была замолчать и подавляла рыданія, готовая вырваться изъ ея измученной груди.

— Ты меня боярыня всегда выручаешь, говорила между тѣмъ царица обращаясь къ Троекуровой, спасибо! Все то ты знаешь, все у тебя найдется.

Прочія боярыни, услышавъ похвалу Троекуровой, не

5. Русская стоянка въ укрѣпленіи Учъ (Конанъ). Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ.

и даже краска залила ея блѣдныя щеки. Она такъ и впилась глазами въ игуменью, которая сидѣла отъ нея черезъ весь столъ.

— „Ну вотъ, ну вотъ бы теперь... вѣдь и рѣчь то ведется самая подходящая... что-жъ она! Господи! неужто такъ ничего и не скажетъ!“...

Она старалась ловить взглядъ игуменьи; но та си-

множко покосились на нее; но разговоръ, перейдя на эту почву, сталъ уже для всехъ интереснымъ. Устройство дворскихъ дѣлъ всегда занимало тогдашнее замкнутое женское общество ужъ потому одному, что путемъ этаго устройства многимъ удавалось проводить свое вліяніе на царицу. Вызовъ Троекуровой возбудилъ во многихъ непріязненное чувство: уже не въ первый разъ она